

БУДДИЗМ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

БУДДИЗМ
В НАШЕЙ ЖИЗНИ

БУДДИЗМ
В НАШЕЙ ЖИЗНИ

*Три проповеди
Великого наставника Син-юня*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

„АНДРЕЕВ И СЫНОВЬЯ“

1994

БУДДИСТСКОЕ МЕДИТАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО
Санкт-Петербург, ул. Олеко Дундича, д. 170
Тел.: (812) 127-59-49, Факс: (812) 126-67-41, 126-68-91
3106 S. Glimmer Drive, Hacienda Heights, CA 91743, U.S.A.
Tel: (619) 961-0057 Fax: (619) 300-1044
BUDDHIST LIGHT INTERNATIONAL ASSOCIATION
Metropolitan Association «East Buddha»

BUDDHA'S LIGHT INTERNATIONAL ASSOCIATION

Международная ассоциация «Свет Будды»

3456 S. Glenmark Drive, Hacienda Heights, CA 91745, U.S.A
Tel: (818) 961-9697 Fax: (818) 369-1944

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО

«Фо Гуан» (Свет Будды)

Россия, 196143, Санкт-Петербург, ул. Орджоникидзе, 5, а/я 176
Тел.: (812) 127-79-49. Факс: (812) 126-67-41, 126-69-91

Перевод с китайского

В сборник входят проповеди, произнесенные на буддийской конференции 2—4 ноября 1983 года в Тайбэе в Мавзолее Сунь Ят-сена. Великий наставник Син-юнь рассказывает об отношении буддизма к жизни после пробуждения и после смерти, а также о том, каким представится мир после обретения нирваны.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПРОБУЖДЕНИЯ

Дорогие наставники, дорогие верующие!

Начинаем нашу трехдневную буддийскую конференцию. Сегодня мы поговорим о том, какой будет наша жизнь после обретения пробуждения, завтра побеседуем о судьбе человека после смерти, а на третий день обсудим, какой мир откроется нам после обретения нирваны.

Итак, какой же будет наша жизнь после обретения пробуждения? Иногда, споткнувшись обо что-нибудь, люди восклицают: «Ох! Как больно!» Проголодавшись, люди говорят: «Ах, как есть хочется!» Ощущения голода и боли, конечно, не являются пробуждением, но все равно представляют собой род некоторого осознания. Мы способны различать боль, наслаждение, радость и страдание — эта способность хотя и не является собственно пробуждением, но представляет собой некое понимание.

В мировой истории есть множество примеров «озарения» — так, падение яблока на землю помогло Ньютону осознать наличие земного тяготения. Увидев молнию, Франклин установил основание для последующего развития электротехники, которая привела к появлению современных технологий. Эти озарения хотя и не являются совершенным пробуждением, однако заложенное в них индивидуальное осознание в дальнейшем развилось в теории, несущие всеобщее благо. Будда, сидя на алмазном троне под деревом пробуждения, увидел ярко вспыхнувшую в ночном небе звезду и обрел истинное пробуждение. Он сказал: «Удивительно! Удивительно! Все живые существа наделены свойством мудрости Татхагаты. Лишь из-за ложных мыслей и привязанностей не могут они обрести ее...» Это пример действительного пробуждения — Будда, осознав истину, исполняется сострадания к живым существам, которые еще не обрели пробуждения.

Каков путь к пробуждению? Какова будет жизнь после пробуждения? И кем становятся те великие наставники, которые смогли обрести полное пробуждение? На эти четыре вопроса я попробую ответить в своей лекции.

I. Что такое пробуждение?

Содержание понятия «пробуждение» невозможно выразить словами! Как бы мы ни пытались объяснить, что такое «сладость», тому, кто никогда не ел сахара, у нас ничего не выйдет. «Пробуждение» есть сугубо личное переживание, оно подобно тому, «что, выпив воды, сам поймешь, холодная она или горячая». Поэтому школа чань утверждает: «слова обрубают путь, поэтому не устанавливаем письменных знаков».

Хотя пробуждение невозможно передать словами, оно есть состояние, абсолютно доступное осознанию и реализации. Через пробуждение можно осознать «чудесную суть жизни», которая состоит в том, что жизнь безгранична и наполнена радостью. Через пробуждение можно осознать вечность времени, понять, что в одном мгновении, в одном движении глаз сосредоточен безграничный океан вечности. Пробуждение доставляет нам знание беспредельности пространства: в одном цветке — весь мир; листок — это татхагата; гора Сумеру состоит из песчинок, но любая песчинка объемлет собой Сумеру! Пробуждение заставляет нас понять, что «Я и другие едины». Изначально мы проводим различие между Я и другими, но в действительности мы единосущны и тождественны. Пробуждение имеет голос. Что это за голос? Один звук «бам» изгоняет мрак и хаос. Пробуждение имеет скорость — оно так быстро, что искра или молния не могут угнаться за ним. Образ пробуждения раскалывает пустоту, уничтожает заблуждения и является взору как истинный и совершенный свет!

Так в чем же смысл пробуждения? Он в «единстве наличия и отсутствия». Не так, что сначала наличие, а потом отсутствие, или наоборот, но наличие и отсутствие существуют одновременно; для пробуждения нет ни раньше, ни позже. Пробуждение может заставить нас слиться с этим миром и пребывать с ним в неразделимом единстве, а может вселить в нас отвращение к миру и неприятие его. Пробуждение есть «понимание бесконечности» и «бесконечное понимание». Пробуждение доставляет нам мгновенное осознание. Оглянувшись, мы видим цепь бесконечных привязанностей и иллюзий, которые мы отрицали, — это и есть «понимание бесконечности». Пробуждение — как вспышка молнии во мраке, оно разгоняет туман неведения, и мы зрим светлый и прекрасный мир — это и есть бесконечное понимание.

Что такое пробуждение? Пробуждение — это «Я нашел!»; через череду бесконечных поисков человек возвращается к своему первоначальному облику. Это — как вернуться на родину, где давно не был, и увидеться с родителями: «И вдруг узнал мать — и горы и травы заблестели!» Пробуждение может ввергнуть тебя в веселье — все горы и реки станут твоими родственниками, пики и высокие деревья — твоими друзьями. Пробужде-

ние может ввергнуть тебя в пучину горя, и ты будешь плакать, как блудный сын, вернувшийся в объятия матери.

Что такое пробуждение? Это рыжок за пределы знания. Как если бы установить вертикально стометровый столб и шагнуть с его верхушки — отбросить столб и, более не опираясь на него, парить в пространстве, наслаждаясь свободой. Пробуждение глубже понимания, это — глубочайшее размышление над жизнью и глубочайшее постижение сути вещей.

Что такое пробуждение? Это личное переживание, истинное созерцание, способность к всевидению, осознание собственной природы, высшее понимание. Пробуждение — это понимание единства жизни и смерти, понимание, что жизнь — это не радость, а смерть — не страдание. Пробуждение — это единство движения и покоя — в текущем мире есть умиротворенное спокойствие нирваны, а в мире умиротворения есть бесконечное движение судьбы к счастью. Пробуждение — это единство наличия и отсутствия. Наличие — это благо, но и отсутствие необычайно богато: из отсутствия рождаются бесчисленные наличия! «Приход и уход — едины» — приходящее никогда не приходит, уходящее — не уходит. Друзья встречаются и расстаются, но в мире пробуждения господствуют единство и неразделимость! Пробуждение превращает противоречия в единство, сложность — в простоту, грязь — в чистоту, находит выход из трудностей, освобождает из цепей и оков!

II. Как достичь пробуждения?

Многие выдающиеся люди древности достигли пробуждения, и способов достичь пробуждения также довольно много. Среди них одним из самых распространенных является созерцание перемен живой природы: роста, расцвета, увядания и гибели. Например, наставник Чжилэ из Линъюнь обрел пробуждение, глядя, как опадают цветы персика, и сочинил стихи, передающие его ощущения!

Тридцать лет стремился к искусству меча.
Несколько листьев опали, и ветви тянутся вновь,
Однажды увидев цветок персика,
И по сию пору более не сомневаюсь.

При династии Тан (VII—X вв.) одна монахиня путешествовала в поисках учения, а вернувшись домой, увидела цветы сливы в саду и обрела пробуждение!

Всю жизнь ищу весну и не вижу ее,
Стоптала сандалии по облачным вершинам.
Вернулась и сорвала сливовый цветок —
Глядь, а весна уж давно на ветвях.

Некоторых к обретению пробуждения подвигали самые обычные явления повседневной жизни. Так, наставник Янь-чюу из Юн-мин обрел пробуждение, услышав стук топора дровосека:

Срубленной падает не что-то иное,
Нигде в мире нет пыли иллюзий;
Горы и реки по всей великой земле
Являют росу тела царя Учения.

Наставник Сянянь Чжи-сянь работал в поле. Ему случайно попался осколок кирпича, и он бросил его в заросли бамбука. От удара раздался звук: «бум!!!», и наставник, обретя мгновенное пробуждение, сказал:

От одного удара забыл все, что знал,
И более не буду ложно совершенствоваться,
В движении прославлю древний путь
И более не впаду в печаль и грусть.
Нигде нет его следов и путей,
А звук и цвет — лишь внешний его обряд,
Все в мире, кто познал его,
Говорят о высшем условии.

Чжан Цзю-чэн, живший во времена династии Южная Сун, обрел пробуждение, услышав ночью кваканье лягушки, и написал такие стихи:

Весной под луной квакнула лягушка,
Повсюду под небом на земле — все одна семья,
Истина — кто же может и когда достичь ее?
Ноги стер, идя по вершинам хребтов,
И видел лишь сокровенный песок.

Это называется «обрести пробуждение, услышав небесную флейту». Примеры древних мудрецов, обретших пробуждение, всегда у нас перед глазами, но позвольте мне спросить вас: сколько раз в жизни вы слышали «небесную флейту»?

Многие наставники обретали пробуждение, глядя на цветение и увядание цветов или услышав журчанье ручья либо кваканье лягушки. Другие обретали пробуждение, разбив чашку или миску, а некоторые даже поскользнувшись. Например, знаменитый чаньский наставник Ю из Цзы-лина однажды пересекал мост верхом на осле, но из-за неосторожности упал и, осознав собственную природу, сказал:

У меня есть сверкающая жемчужина,
Но долго валялась в пыли в запертном ларце,
Нынче утром пыль исчезла и явился свет
И осветил реки, горы и засверкал повсюду.

Кое-кто обретал пробуждение, увидев лишь нить из одежды. При Танской династии был монах, который жил на дереве, и поэтому получил прозвище Птичье Гнездо. У него был ученик, который следовал за ним в течение шестнадцати лет, но за это время наставник так ничему его и не научил. Ученику это надоело, и он сказал Птичьему Гнезду, что хочет вернуться домой. Наставник спросил его: «Разве тебе здесь плохо? Куда ты собрался?» — «Я иду учиться». — «А зачем тебе учиться?» Ученик ответил: «Я хочу познать учение Будды!» — «Так у меня и учись — а уходить-то зачем?» — «Но наставник! Я следовал за вами шестнадцать лет, и вы никогда меня ничему не учили...»

Птичье Гнездо выслушал его, не спеша вытащил из своей рваной рясы нить и сказал ученику: «Смотри, разве это не Дхарма Будды?» Взглянув на нить, ученик обрел пробуждение. Так этот человек, благодаря одной нити, обрел пробуждение, познал все тайны и пребывал повсюду, поэтому потомки прозвали его «слугой нитки».

Наверное, не стоит говорить, что даже если я сейчас раздеру на нитки всю свою одежду и дам вам посмотреть, вы не обретете пробуждения. Ведь и радиоприемник нужно настроить, и на фотоаппарате нужно установить вспышку — только тогда звук будет чистым и фотографии будут четкими. Для пробуждения необходимо, чтобы были подготовлены все условия, чтобы «шип входил в паз», — только тогда может быть успех. Пробуждение — подобно рытью канала, когда подступает вода, пробуждение — это попадание с первого выстрела. Но как же мы, обычные люди, можем достичь пробуждения? Я хочу высказать несколько соображений.

Отбросить тело и сознание

Иногда мы не только не можем отказаться от внутренних присущих нам желаний и стремлений, но также привержены и внешнему телу. Из-за того что мы пребываем в оковах тела и сознания, мы подвергаемся многочисленным страданиям. Если мы сможем отбросить тело и сознание, то естественным образом обретем освобождение.

В Индии было еретическое учение брахманизма, почитавшее чудесные способности. Один из его последователей — некий брахмачарин обрел чудесное зрение, чудесный слух, знание мыслей других, знание прошлых жизней, чудесную способность к передвижению; ему не доставало только способности прекращать приток аффектов, а без этого он не мог обрести освобождения. Кто-то посоветовал брахмачарину: «Иди учиться к Будде, он поможет тебе избавиться от аффектов». Брахмачарин прислушался к совету и, набрав два кувшина цветов, отправился поднести их Будде и обратиться к нему за помощью.

Будда, увидев, как почтительно подходит к нему брахмачарин, сказал: «Брахмачарин, брось!» Брахмачарин, услышав эти слова, быстро опустил кувшин с цветами, который он держал в левой руке. Будда посмотрел на него и сказал: «Брахмачарин, брось!» Брахмачарин убрал цветы из правой руки и стоял перед Буддой с пустыми руками. Однако Будда вновь сказал: «Брахмачарин, брось! Брось!» Брахмачарин задумался: «Чего он требует, чтоб я бросил? И так уже все выбросил, что еще выбрасывать?» Но Будда громко закричал: «Брахмачарин, брось!» И тут брахмачарин все понял: нужно было бросить не цветы, а приверженность к телу и сознанию.

Мы часто привержены нашим желаниям, хорошему или плохому, славе и богатству и не можем отбросить их. Если мы однажды не отбросим изнуряющий груз пяти желаний, то не сможем обрести единство с Дао и освободиться для высшей жизни.

Преодолеть жизнь и смерть

Преодолением жизни и смерти можно обрести понимание Пути, но если быть приверженным к ним, то невозможно пробудиться. Когда-то одна прекрасная девушка приняла решение предаться созерцанию и обратилась к старому чаньскому наставнику: «Наставник! Как мне нужно совершенствоваться, чтобы обрести пробуждение?» Наставник посмотрел на нее и, решив, что у такой красивой девушки наверняка очень тесные связи с миром, научил ее: «Идти вслед за ним и не следовать ему!»

Конечно, у этого наставника было множество приемов созерцания, например размышление над тем, «кто есть Будда, или каков был мой облик до того, как меня родили на свет мать и отец?» и так далее... Наставник дал этой девушке такой коан именно для того, чтобы она оставила все мирские, внешние мысли и заботы, достигла ясности сознания и прозрела собственную природу. Девушка всеми силами была устремлена к обретению Дао, твердо запомнила эту фразу и упорно размышляла над ней. Однажды ее приятель приехал повидать ее. Ей сообщили: «Госпожа, к вам приехал молодой человек!» Не подняв головы, девушка ответила: «Идти вслед за ним и не следовать ему!» Через некоторое время из Америки пришло письмо — ее приглашали приехать на учебу в Университет. Однако она лишь сказала: «Идти вслед за ним и не следовать ему!» Однажды она купила билет Патриотической лотереи, чтобы испытать судьбу, и выиграла первый приз. Родственники передали ей эту хорошую новость, но она лишь произнесла: «Идти вслед за ним и не следовать ему!» и забыла о внешнем мире.

И так, шаг за шагом, она преодолела все трудности. Однажды она случайно взглянула на свою старую фотографию, где была снята вместе со своей старой седой бабушкой. Милая девочка с фотографии уже превратилась в зрелую молодую женщину, а бабушка умерла. И девушка подумала: «Через несколько лет я тоже отправлюсь к желтому источнику. Жизнь человеческая непостоянна; от рождения до смерти — одно мгновение. Так за что же я держусь?» И так, одной мыслью, она преодолела последнюю преграду, «заставу жизни и смерти», и более не боялась будущего рождения и смерти, познала их непостоянство и обрела высшее наслаждение отсутствия рождения и гибели.

Отдаляться от человеческих чувств

Иногда чаньские наставники, чтобы обрести пробуждение, отвергают все человеческие чувства.

Я всегда считал, что восемь школ должны распространяться вместе, но я сам отношусь к чаньской школе Линь-цзи, следовательно, в моей традиции патриархом является Линь-цзи. Сейчас я расскажу, как этот наставник обрел пробуждение.

Однажды Линь-цзи работал в поле, и наставник Хуан-бо пришел проведать его. Хуан-бо увидел, как он трудится в поте лица, и, чтобы поддержать его, сказал: «Наверное, ты здорово устал!»

Однако Линь-цзи не только не поблагодарил Хуан-бо за участие, но, наоборот, набросился на него с кулаками. Ученики Линь-цзи, увидев, что наставник без причины колотит главного учителя, очень разозлились и побили самого Линь-цзи. Хуан-бо посмотрел на это и удержал руку одного из учеников Линь-цзи, сказав: «Мальчик! Как ты можешь бить его?», ударил ученика и ушел. Трое подрались, и многие, стоявшие поодаль, крайне разочаровались и, наверное, подумали: «Вот ведь эти монахи — еще хуже нас. Мы-то не деремся, встретившись друг с другом». С обычной точки зрения драка между учеником и учителем действительно выглядит неподобающей. Однако их драка была полна не сравнимой ни с чем любовью к учению. Эти удары разрушили отношения различения между субъектом и объектом, передали полноту одухотворенности от одного к другому — это были удары, передавшие печать мудрости от сознания к сознанию. Во время драки мудрость Хуан-бо и Линь-цзи слилась воедино и они осознали тончайшую сущность Чань. И мы можем, так же как и они, в драке обрести мгновение созерцания, превратив ее в дело величайшей радости. Поэтому проявления пробужденности иной раз внешне выглядят противоречащими человеческим чувствам, но в действительности они наполнены глубочайшим чувством Пути.

Однажды наставник Юнь-мэн отправился посетить наставника У-е в Фэнъяне. Когда он пришел к монастырю, еще только светало, и наставник стал громко колотить в дверь. Прошло много времени, наконец подошел монах-привратник; Юнь-мэн объявил цель своего прихода, и, когда он уже собирался пройти в ворота, привратник вдруг закрыл дверь и отдал Юнь-мэну ногу.

Наставник закричал от боли: «Ой как больно!» — «Кому это там больно?» — привратник притворился, что не понимает, о чем речь. «Наставник! Да это же я!» — «А ты где?» — «Да я снаружи!» — «Если ты снаружи, то почему тебе больно?» — «Да ты мою ногу отдал мне внутри». Услышав это, наставник рассмеялся и сказал: «Так у тебя есть внешнее и внутреннее!» И хотя Юнь-мэну отдала ногу, но ему отдала и иллюзию, и он понял, что внешнее и внутреннее едины, равны и недвойственны.

Однажды Бай-чжан и его наставник Ма-цзу отправились вдвоем по делам. На полпути они увидели в небе стаю уток. Ма-цзу спросил: «Это что такое?» — «Дикие утки», — ответил Бай-чжан. «Куда они летят?» — «Уже улетели!» Услышав это, Ма-цзу схватил Бай-чжана за нос и стал выкручивать. Бай-чжан завопил: «Ой как больно! Ой как больно!» Ма-цзу спросил: «Так раз улетели, откуда же боль?» Бай-чжан сразу обрел пробуждение. Выкрутив ему нос, Ма-цзу уничтожил все приверженности к вещам, к себе, стремления, привязанности и неведение. Порой методы наставников, направленные на обретение пробуждения, кажутся жестокими, противоречащими человеческим чувствам. Только те, кто преодолел обыденное понимание, могут постичь заключенную в этих методах истину, превосходящую всю обычную мораль.

Усердствовать в самозабвении

В стремлении к обретению пути необходимо руководствоваться духом искренности и твердости, сосредоточенно и упорно продвигаться к самозабвению — только в этом случае можно добиться пробуждения.

Великий наставник Тай-суй пребывал в затворничестве на горе Путашань. Однажды, пребывая в созерцании, он услышал звук колокола, возвещавшего начало приготовления ко сну. Поскольку наставник был сосредоточен и отбросил все внешнее, то он пробыл в созерцании до утреннего колокола. Сам Великий наставник думал, что это вечерний колокол, возвещающий отход ко сну.

Наставник Сюй-юнь, который обрел нирвану в двадцатилетнем возрасте, одно время обитал в пров. Шэньси на горе Цуйвэйшань. Однажды утром он готовил себе пищу и неожиданно для себя вошел в состояние созерцания, пребывая в нем

сто восемьдесят дней. Когда он вышел из состояния созерцания, то не знал, сколько времени прошло, и только раскопав занесенный снегом котел, увидел, что сваренная полгода назад пища совершенно протухла. Только такое самозабвенное усердие, отсутствие преград в сознании могут доставить обретение пробуждения через созерцание.

Наставник Ма-цзу, обретя пробуждение, вернулся домой. Его тетка очень почитала наставника и хотела у него учиться. Ма-цзу Дао-и сказал ей: «Возьми куриное яйцо, подвесь его в воздухе и каждый день внимательно слушай. Как только услышишь в яйце звук, то сразу обрешь пробуждение». Тетка поверила ему и каждый день без усталости прислушивалась к яйцу. Прошло много лет, но она так ничего и не услышала. Однако веревка, на которой висело яйцо, постепенно сгнила и в конце концов порвалась, и яйцо с треском разбилось. Услышав этот треск, тетка обрела пробуждение — осознала, что Я и вещи — едины, что кроме сознания нет истинного мира. Этот треск расколол приверженность к внешнему и внутреннему, к представлениям о Я и других и привел к обретению осознания реальности. Отсюда видно, что лишь единство сознания, сосредоточенность и усердие и отказ от чувств могут привести к осознанию пути, и лишь тот, кто осознал путь, может проповедовать Дхарму.

III. Взгляд на мир после пробуждения

До обретения пробуждения мир является хаосом мрака и заблуждения, но как он представляется после обретения пробуждения? До пробуждения жизнь человека полна жадности, гнева, глупости и привязанностей, но каким образом она преобразится после пробуждения? Чем отличается взгляд на мир после пробуждения от того, что предшествует пробуждению?

Древние говорили: «Разбавленного может быть тысяча кувшинов, но неразбавленное только и есть настоящее вино, десять тысяч обыденных дел легко забыть, незабываемо — лишь одно редчайшее». Люди в миру пребывают в заблуждении, отягчены пятью желаниями — они сами охвачены путами и требуют, чтобы другие помогали им освободиться. Пробуждение — это изменение отношения к миру, явление мудрости: до пробуждения в сознании пребывает множество приверженностей — жадность, любовь, стремление к славе и богатству, стремление к различению хорошего и плохого у себя и у других; человек тонет в пучине иллюзорных чувств и привязанностей, которые сам не может отбросить, а значит — не может освободиться. Обретя пробуждение, человек освобождается из темницы имен, разбивает оковы чувств, чистым взглядом смотрит на мир, лицо

его устремлено ввысь, ноги твердо стоят на земле; он — свободный обитатель Вселенной.

Некоторые люди так объясняют различие между взглядом на мир до и после созерцания. До созерцания «горы — это горы, реки — это реки», во время созерцания видишь, что «горы — это не горы, реки — это не реки», а обретя пробуждение понимаешь, что «горы — это все же горы, а реки — все же реки». Поскольку сердце наше захвачено пристрастием, мы не можем видеть зеленъ гор и поэтому смотрим на гору без всякого интереса, видим, что река — это река, а нам что за дело? Но пройдя путь совершенствования, вновь взглянешь на горы и реки и удивишься зелени гор и порадуешься, и горы ответят тебе тем же. Воды, звери и птицы, леса и поля будут твоими друзьями, журчание ручья станет песней твоей мудрости. Травы, деревья, цветы и листья — все явят тебе высшую истину и реальность; каждая песчинка, камень, капля воды — все они покажут тебе чудесную истину Татхагаты о том, что горы и воды, острова и континенты, космическое пространство — все они происходят из твоего чистого и умиротворенного сознания, из твоей собственной природы. Горы и реки — это не горы и реки вне тебя, но именно из твоего сердца изливается источник жизни, рождающий Вселенную.

Великий литератор эпохи Сун Су Дун-по много предавался созерцанию и в стихах отразил три стадии обретения пробуждения. Первая стадия — это то время, когда он еще не занимался созерцанием:

Смотришь вдаль — видишь горный хребет,
Смотришь ввысь — ввысь взметнулись пики,
Вдали и вблизи, вверху и внизу — все различно,
И неведом истинный облик горы Лу,
Лишь обусловленное тело мое скитается здесь.

Это стихотворение показывает, что сознание введено в заблуждение грандиозностью пейзажа и не может узреть своего истинного облика; оно подобно путнику, скитающемуся в горах и ущельях и не способному увидеть истинный облик горы Лу. Второй этап описывает состояние созерцания, когда еще не наступило пробуждение:

Лу-шань сокрыта туманом и дождем,
Волнуется Чжэ-цзян.
Пытался тысячу раз, тоска не пропадает,
Достиг отсутствия вещей,
Лу-шань сокрыта туманом и дождем,
Волнуется Чжэ-цзян.

Поэт ищет пути повсюду, но туманные горы и завеса дождя скрывают выход. Он закрывает глаза и сосредоточивает сознание — но пробуждения нет — и на сердце тоскливо. Оглянув-

шись, поэт видит, что гора Лу — на прежнем месте и так же скрыта туманом и дождем. Задумавшись, он понимает, что пища — это все же пища, сон — это все же сон, только вкус у них разный. Третий этап — описание мира после обретения пробуждения:

Журчание ручья — красноречивый язык,
Гора — вся тело чистоты.
Ночью пришло бесчетное множество стихов,
Разве наутро проснусь тем же?

Журчание ручья, зеленые склоны гор — все это превращено тело истинного Татхагаты.

До пробуждения все дхармы рябят в глазах, на них смотришь, как в тумане, не в силах узреть их истинный облик; после пробуждения ты подобен слепцу, вдруг обретшему зрение, — туман рассеялся, и ты видишь истинный облик всего, что тебя окружает. Поистине разница между взглядом на мир до и после пробуждения разительна!

Так чем же отличается взгляд на мир после пробуждения?

Пребиваешь среди страданий, но сам не подвержен страданиям

При династии Тан был один чаньский наставник. Он жил на горной вершине, и поскольку не мог стричь волос, в голове завелись насекомые. В горах негде взять воды и трудно часто мыться, а одежду стирать. Некий человек встретил этого наставника и спросил его: «Наставник! Почему вы подвергаете себя таким страданиям?» Наставник же с достоинством ответил: «Ты считаешь, что мои нестриженные волосы грязны, но ведь я давно отсек аффекты. Ты думаешь, что мое тело грязно? Но ведь мое сознание уже давно стало чистым. Ты считаешь, что это очень унижительно — не менять одежду? Но я давно украсил свою жизнь лучшей тканью учения Будды!»

С точки зрения тех, кто обрел пробуждение, недостатки материальной сферы вовсе не являются страданием, но, наоборот, удобной возможностью продвижения по пути. Об этом говорят «беспокоиться о Дао и не беспокоиться о бедности». Чаньские монахи стремятся к идеалу, когда «в прошлом был беден, так что шило было где воткнуть, а ныне беден так, что и шило негде воткнуть». Когда пробужденный пребывает в гуще страдания, он не страдает, но и не считает наслаждения чем-то очень приятным. Так, в сунскую эпоху монах Дао-кай отказался явиться по зову императора, а император разгневался и послал чиновников допросить монаха. Чиновники посчитали возраст и добродетели наставника и посоветовали ему сказаться больным и так избежать наказания, однако наставник скорее согласился подвергнуться наказанию, чем обманывать. Для

чань-буддиста слава и унижение, страдание и блаженство равны между собой и тождественны. Те, кто обрел Путь, могут преодолеть иллюзию мирского страдания и блаженства, изгоняют представления, различающие страдание и блаженство так, что где бы и когда бы они ни жили, они сохраняют свою свободу и дух их свободно витает в Поднебесной.

*Пребываешь среди противоречий, но сам свободен
от противоречий*

Тех, кто обрел пробуждение, отличает некоторая склонность к парадоксам, порой повергающая людей в изумление. Так, чань-буддисты говорят: «В Суй-чжоу лошади едят траву, а му-чжоуские коровы толстеют». Это, собственно, означает, что лошади едят траву в Гаосюне, а толстеют от этого тайбэйские коровы. С обычной точки зрения это мысль абсолютно неверная. Ведь Суй-чжоу и Му-чжоу находятся на крайней южной и северной оконечностях нашего острова, а корова и лошадь — это два разных вида животных, различных по своей природе, — как же они могут слиться воедино? Благодаря тому что наша обыденная познавательная установка направлена на противопоставление и разделение, мы не можем синтезировать и обобщать, и поэтому перед нашим взором разворачивается мир, полный преград, разделенный и расколотый мир. Но мир тех, кто обрел пробуждение, является миром гармонии пространства и времени, в нем устраняется противопоставление субъекта и объекта, выделение Я и другого. Поэтому им видится безграничный мир, пребывающий в гармонии и единстве.

У Фу да-ши есть одно стихотворение, характеризующее такой противоречивый и гармоничный мир:

В пустой руке сжимаю мотыгу,
Иду пешком, как будто еду на буйволе.
Человек проходит по мосту —
Поток под мостом не течет.

Те, кто обрел пробуждение, могут держать в пустой руке не только черенок мотыги, но даже все пространство Вселенной, и только «пустое» сознание может вместить в себя всю Вселенную и не впасть в жадность и приверженность к ней. Обретшие пробуждение видят, что гора Сумеру вмещает в себя множество песчинок, но каждая песчинка вмещает в себя гору Сумеру; под градом опадают цветы, ветер вздымает пух и перья — это естественные явления, но «нет града, но цветы все равно падают, нет ветра, но пух летает сам» — это редкие явления. Для тех, кто обрел пробуждение, сущность Вселенной и ее проявление, проявление и иное проявление более не находятся в неопределимом противоречии, но пребывают в отноше-

ниях единства и гармонии. Но обычный человек не может глупо подражать такому парадоксальному поведению пробужденных — без обретения пробуждения такое глупое подражание ведет к обратным последствиям и выставляет глупцов на смех.

Один молодой человек предавался созерцанию, но не подъялся поприветствовать своего наставника. Наставник упрекнул: «Видишь, что старый человек пришел, а нет, чтобы встать и поклониться. Вот уж действительно невежа!» Молодой человек, подражая чаньским монахам, ответил: «Я поприветствовал тебя сидя, это то же самое, что приветствовать тебя стоя!» Тут наставник ударил его в ухо. Молодой человек в гневе вскричал: «Ты что меня бьешь?» Наставник, смеясь, ответил: «Я тебя ударил, это и есть, что я тебя не ударил!»

Чань — это не мирская мудрость и интеллект, это и не подражательное кривляние; после пробуждения мудрость сама являет себя, и это нельзя имитировать никаким паясничаньем.

Пребывая в гуще заблуждений, сам не заблуждаешься

Я знаю одного очень глубоко верующего и преданного буддиста, господина Вана, отличающегося умеренностью, сдержанностью и чистоплотностью. Все его очень уважали за его добродетели. Но через какое-то время его знакомые заметили, что каждую ночь перед рассветом он уходит куда-то в «туманные сады и ивовые переулки». Все очень удивлялись: неужели такой смиренный господин Ван не устоял перед соблазном женской красоты и сам разрушает свою добродетельную славу? За спиной Вана начались шушуканья, и один доброхот, не сдержав любопытства, однажды тайком последовал за Ваном, чтобы все лучше разузнать. Они перешли улицу и вошли в переулок, где был павильон «розовых цветов». Как только Ван появился в павильоне, все девушки с радостью окружили его участием и заботой и, наперебой расспрашивая, повели наверх. Преследователь Вана впадал во все большее недоумение, но также тайком пробрался наверх и замер при виде трогательного зрелища: оказывается, все эти смеющиеся девушки теперь сидели в строгом молчании перед алтарем Будды и сосредоточенно внимали проповеди господина Вана. Оказывается, господин Ван окунулся в пучину порока ради проповеди Учения; он попал в грязь, но не испачкался; он в кипящей воде посадил прекрасные лотосы и превратил порок в чистоту. Ван подобен тому, кто «точно знает, что в горах есть тигр, но все равно идет навстречу тигру», — он обладает бесстрашным духом, как бодхисаттва Киштигарбха, сказавший: «Если я не войду в ад, то кто войдет?» Таково его сострадание, что он гнездо разврата превратил в алтарь добродетели, пребывая непоколебимым в мире

иллюзий. Это истинный пример буддиста, распространяющего Учение в зависимости от обстоятельств, пример чудесного деяния, сохранения свободы в любой ситуации!

*Пребывая среди различий,
сам способен освободиться от различающей мысли*

Однажды наставник Лэ-шань прогуливался по горе и заметил два дерева — одно цвело и было сильным, а другое уже засохло. В это время пришли два его ученика — Дао-у и Юнь-янь, и Лэ-шань спросил их: «Какое из двух деревьев красивее?» Дао-у сказал: «Конечно, это, цветущее», но Лэ-шань покачал головой. Юнь-янь сказал: «А я думаю, что красиво засохшее дерево!», но Лэ-шань и тут покачал головой. Стоявший тут же прислужник сказал: «Наставник, Дао-у сказал, что красиво цветущее дерево, но вы покачали головой, Юнь-янь сказал, что красиво засохшее, но вы опять не согласились. Так какое же дерево красиво?» Лэ-шань в свою очередь спросил слугу: «А ты как думаешь?» Слуга сказал: «Цветущее дерево полно жизненной силой, но это, засохшее, сохраняет полноту цветения».

Природа всех дхарм равна и едина, нет хорошего и плохого, нет красивого и уродливого, высокого и низкого, благородного и низменного — поэтому для пробужденного красивое и увядшее равно прекрасны.

В знаменитой «Сутре Вималакирти» бодхисаттвы и архаты собрались перед хижиной Вималакирти и слушали его рассуждение о пути недвойственности. Прекрасные небесные девы, услышав речь Вималакирти, стали бросать с неба прекрасные цветы и восхвалять его. Эти цветы парили свободно над телом бодхисаттв и тихо опускались, но те цветы, что падали на архатов, застывали в воздухе, и их никак невозможно было оторвать. В «Алмазной сутре» сказано: «Все, что имеет образы, является иллюзией». У последователей двух колесниц в сознании сохраняется образ «цветка», и они предаются различающей мысли и не в состоянии отбросить привязанность к образу «цветка». Поэтому цветы застыли и не падали. Бодхисаттвы Великой Колесницы осознали пустоту природы дхарм, отказались от условных образов, так что могли «пройти сквозь заросли цветов и не задеть ни лепестка», — так что же говорить о том, что небесные цветы свободно парили вокруг них и тихо падали на землю.

IV. Жизнь после пробуждения

Чем отличается жизнь до и после пробуждения? После пробуждения земля и небо останутся землей и небом, солнце и

луна по-прежнему будут солнцем и луной, Я и другие по-прежнему сохраняются, но изменится внутреннее содержание жизни, ее «вкус». До пробуждения, «когда ешь, не можешь — одолевают думы, не можешь заснуть — повсюду сомнения». После обретения пробуждения «ешь, когда голоден; спишь, когда устал», но появляется свобода и дух свободно парит; до пробуждения время тянется нестерпимо долго, каждый шаг дается с трудом, а после пробуждения — каждый день в радость, повсюду присутствует Великий Путь. После пробуждения дух пребывает в гуще материальной жизни, но свободен от пут материальных влечений, не отягчен бременем пяти желаний и стремится к достижению идеальной жизни.

Наставник Лай-жун варил камни, чтобы удовлетворить голод, и ел с большим удовольствием. Некто удивленно спросил его: «Наставник! Да это же камни! Как вы можете их есть?» Наставник посмотрел и сказал: «А! И правда, камни! Не хочешь попробовать? Вкус поразительный!» Для чаньского наставника даже твердые камни являлись удивительным лакомством.

Однажды холодной суровой зимой наставник схватил насморк. Из носа очень сильно текло, и некто сказал наставнику: «Учитель! У вас скоро из носа в рот потечет. Вы бы вытерли нос!» Наставник же гордо ответил: «Ха! У меня нет времени вытирать нос из-за каждого дурака!»

Обычные люди следят только за внешней чистотой, забывая об очищении души. Конечно, чистота и внешняя свежесть делают нашу жизнь лучше, но чистое сознание может придать нашей жизни совершенно новый и прекрасный облик. Если сознание чисто, оно превращает мир грязи и зла в царство наслаждения, а если сознание загрязнено, то даже блаженная земля станет средоточием грязи. Чистое тело, конечно, важно, но мы должны следовать примеру Лай-жуна и экономить драгоценную жизнь, стремясь к необходимому всем нам очищению души!

Современный наставник винаи Хун-и был непритязателен в материальной жизни и жил как придется. Он пользовался одним и тем же платком шестнадцать лет, одежда его вся изорвалась, заплатка стояла на заплате, и кто-то сказал ему: «Наставник! Надо бы сменить одежду!» Наставник ответил: «Да и эта вроде еще ничего». Когда он путешествовал, то останавливался в маленьких, грязных и вонючих гостиницах, и ему говорили: «Давайте передем. Уж больно тут воняет!» Но Хун-и отвечал: «Ничего, главное, что стол есть». В еде он часто удовлетворялся миской соленых овощей, и когда ему говорили: «Наставник, пища уж больно соленая!», Хун-и отвечал: «У соли соленый вкус».

Тот, кто обретает пробуждение, преодолевает вещи и не связан более путами материальной жизни, не страдает от бедности

и не радуется богатству, ему везде хорошо. Как говорил наставник Цы-хан: «Если сам чувствуешь, что сознание спокойно, то тебе везде будет хорошо», независимо от обстановки, от того, как складывается судьба, — дух все равно пребудет в блаженстве.

После пробуждения мудрость переходит в чувства, очищая их и наполняя светом. Устраняются ложные чувства, и жизнь наполняется пустотной мудростью — праджней всех будд. Наставник Тянь-жань Дань-ся остался на зиму в одном храме, и когда стало холодно, растопил очаг деревянной статуей Будды. Монах, возжигающий благовония, увидев это, закричал: «Ты что? Ишь придумал, костер Буддой топить!» Наставник сказал: «Я выжигаю из статуи мощи Будды». Возжигатель благовоний сказал: «Ерунда! Откуда в этой статуе мощи?» «А, так в статуе нету мощей? Так давай еще тащи достопочтенных, погреемся!»

С обычной точки зрения жечь статую Будды безнравственно, но обретший пробуждение Дань-ся познал, что Дхармовое тело Будды наполняет собой Вселенную, объемлет бесчисленное множество миров, он знал, что Будда и живые существа едины, и понял, что только тот, кто осознал в себе природу Татхагаты, истинно почитает Будду. Он не поклонялся образу Будды, как это делают миряне, но, не поклоняясь и не почитая, наполнял свою жизнь истинным светом мудрости.

Жизнь после пробуждения направлена на благо других — это жизнь милосердного бодхисаттвы, который «лишь желает, чтобы живые существа избавились от страданий, а не ищет блаженства для себя», жизнь, направленная на спасение всех без остатка живых существ, жизнь, наполненная самопожертвованием на благо живых существ, жизнь, ведущая живых существ к пробуждению.

Пробуждение, изменяя наши мысли, изменяет и саму направленность нашей жизни. Какой становится жизнь тех, кто достиг пробуждения? У меня есть три соображения, которыми я хочу поделиться с вами.

1. Естественная и свободная жизнь

Жизнь пробужденного не знает преград, пробужденный пребывает в состоянии свободы, он преодолевает все противоречия и крайние воззрения. «Горы высоки, реки широки; ивы зелены, цветы красны; если солнце светит, то тепло; если дует ветер, то прохладно». Горы и реки, травы и деревья — все являются безграничное множество предметов созерцания, свет солнца и шелест ветра — все является голосом Будды, проповедующим Учение, весь мир пребывает в свободном течении, все наполнено настоящей чистотой, прекрасной добродетелью и истинной кра-

сотой. Даже самые простые одежда и пища для пробужденного являются вместилищем свободы.

Некто спросил у Чжао-чжоу: «В чем смысл прихода Патриарха с Запада?» Наставник ответил: «Иди, попей чайку». Тот же человек спросил: «Каков был мой изначальный облик, когда я еще не родился?» Наставник ответил: «Иди, помою миску!» В чем связь между мытьем чашки, чаем и созерцанием? Если мы в нашей обыденной жизни, в еде и питье сможем ощутить чудесный вкус праджни, то сможем узреть наш изначальный облик, и наше сознание обретет единство со множеством Будд. Смысл Будды лежит не далеко, за горами, а в выявлении истинной природы, он постигается через наше «обыденное сознание».

2. Жизнь без привязанности

Жизнь пробужденного — это абсолютно свободная жизнь, свободная от всяких привязанностей. Человек пребывает среди круговращения жизни и смерти, но не скован этим бременем, он пребывает в чистом мире нирваны, но не привержен к блаженству нирваны. Он подобен чистому лотосу, растущему из грязи, корни его в мутном видимом мире, который он превращает в сияющий мир чистоты. Пробужденный преодолевает обыденные чувства, он ничем не связан и ничто ему не препятствует; в средоточии иллюзий он лелеет стремление уйти из суетного мира; он живет среди зеленых лесов и чистых рек и принимает обет великого сострадания во имя спасения всех живых существ. Он подобен облаку и текущей воде, преобразует людей в зависимости от ситуации, сам создает свой облик. Древние говорили о тех, кто достиг пробуждения: «В его чаше — пища для тысячи семей, одинокий монах путешествует за десять тысяч ли», «мало является глазам людей, спрашивает дорогу у облаков». Эта жизнь полна блаженства из-за отсутствия привязанностей, не-обретение доставляет истинное обретение, свободу — это жизнь того, кто свободно скитается по Срединному пути.

3. Жизнь спасающего мир

Пробужденные являются абсолютно сострадательными и милосердными, они стремятся спасти мир и облегчить страдания живых существ. Обычно люди считают, что ушедшие из мира отвергают его, стремятся к уединенной, сострадательной жизни; но на самом деле, отвергнув иллюзии мира, покинув мир борьбы и разврата, они активно стремятся к еще более активной и свободной жизни, к постижению истинной реальности.

Преодоление мира, отказ от него — это не бегство, а еще более смелое движение вперед, еще более твердое устремление к истине. Лишь отвержение и глубокое знание способны истинно возвысить человека, привести его к правде. Необходимо вне мира пробудить сознание и затем, вернувшись в мир, исполнить дело великого сострадания.

Чжао-чжоу спросил наставника Нань-цюаня: «Кем вы собираетесь стать?» Нань-цюань ответил: «Перерожусь буйволом в крестьянской семье». Смысл этого в том, что он собирается в будущем служить людям, разрешать их жизненные трудности, являть мудрость и доставлять счастье. «Тот, кто хочет стать драконом и львом для Будды, должен стать лошадью для людей», — это и есть лучшее объяснение пути бодхисаттвы, возрастшего в себе великое сострадание и любовь.

Однажды Линь-цзи сажал в горах дерево. Хуан-бо спросил его: «В горах и так много деревьев. Зачем ты еще сажаешь?» Линь-цзи ответил: «Эти деревья посадили другие, я тоже хочу посадить в назидание потомкам».

То, что наставник ничего не искал для себя, но стремился создать потомкам укрытие от жары, является выражением духа наивысшего сострадания.

Один человек, учившийся созерцанию, однажды сказал мне: «Я каждое утро вижу, как разносчик газет, толкая тележку, обходит дом за домом, в любую погоду, доставляя людям свежие новости. В маленькой газете содержится столько разных известий, и этот разносчик доставляет людям удовольствие от ее чтения. Я бы тоже хотел сделать сердцу каждого маленький подарок...»

Слышали вы когда-нибудь об этом: маленький подарок сердцу каждого? Достижение пробуждения требует личных усилий, пробужденная жизнь должна быть прожита каждым в действительности. Ведь невозможно научиться плавать, не бросившись в реку, и никакие книги тут не помогут.

Я желаю вам, чтобы вы все стали прекрасными пловцами в море истины!

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Дорогие наставники, дорогие верующие!

Сегодня я хочу поговорить с вами о том, что ожидает человека после смерти. На эту тему нелегко беседовать, ибо если я скажу, что после смерти нас ожидают страдания, вас может охватить страх, и всю жизнь вас будет преследовать призрак неотвратимой смерти и страданий, которые с ней связаны. Но если сказать, что после смерти нас ожидает блаженство, то может возникнуть неправильное представление о том, что лучше побыстрее умереть и насладиться счастьем и освобождением. Поэтому мы должны следовать Срединному пути и сказать: «В жизни нет блаженства, но и смерть — это не горе».

У одного богача на склоне лет родился сын. К нему собралось с поздравлениями множество людей, пришел также и один монах, который, напротив, не радовался, но принял страдающий вид. Хозяин не мог понять, в чем дело, и спросил монаха: «Наставник! Вроде бы не произошло ничего ужасного, почему вы так страдаете?» Наставник с болью ответил: «Я горю от того, что в вашей семье появился еще один смертный!» Пробужденный видит, что жизнь — это продолжение смерти, а смерть — это лишь превращение жизни. Рождение не рождается, смерть не умирает, жизнь и смерть — одно, чему же радоваться и за чем горевать?

Обычно люди, увидев древних старцев, поздравляют их и говорят: «Почтенный старец! Дожили до таких сединок!» В праздник двойной девятки в каждом городе и деревне особенно величают таких людей и возносят молитвы за их долголетие. Однако, если задуматься, разве так уж радостно, что человек дожил, скажем, до ста двадцати лет? Ведь если человек дожил до ста двадцати лет, его столетний сын наверняка уже умер, его восьмидесятилетний внук и даже, что хуже всего, его шестидесятилетний правнук, возможно, к несчастью, уже почил, — и этот старец не только уже не может радоваться, нянчая потомство, но на старости лет остается один, без всякой опоры в жизни — его потомки давно уже оставили его, а самое ужасное в жизни — это когда старики хоронят молодых! Так что долголетие — не обязательно благо. Что же говорить о том, что

одиночество в старости, слабость, болезни — это трагедия человеческой жизни.

Долголетию совершенно не стоит радоваться, но и смерть — не повод для скорби и страха. Обычно люди в преддверии смерти рисуют себе всякие страшные картины: как их будут скидывать на гору из мечей или варить в котле либо еще более ужасные казни. Однако если мы поймем истинный облик смерти, то увидим, что смерть сродни получению заграничного паспорта — мы можем всюду побывать и повсюду свободно путешествовать. Никому не дано избежать смерти — так как же нам относиться к этой великой границе, которую всем нам предстоит перейти, как сохранить твердость духа и не поддаваться страху? Ниже я изложу свое мнение с четырех точек зрения.

1. Что ждет нас в момент смерти

Никто из нас еще не умирал, и мы не знаем, как в действительности выглядит смерть. Согласно сутрам, в момент смерти чувства человека пребывают в ясности; он ясно слышит, как врач объявляет родным, что он умер; слышит, как плачут его близкие; видит, как его друзья перекладывают его бездыханное тело. Сознание этого человека пребывает в беспокойстве — ведь он еще столько не сделал; дух его витает среди собравшихся у гроба друзей и родственников, он хочет что-то сказать им, но все только плачут и страдают, и никто не обращает на него внимания. Недавно в «Ридерз Дайджест» писали о человеке, который вышел из клинической смерти, и он так описал свою агонию и состояние после смерти: он попал в аварию, и его переехало машиной. Когда подросла «скорая помощь», врачи, полиция и родственники, его дух уже покинул тело и носился в воздухе. Из бесконечных споров и перебранки пострадавший понял, что собравшиеся не знали, как произошла авария; он подошел к полицейскому и сказал: «Я своими глазами видел, как произошла авария...», но полицейский смотрел сквозь него, ничего не видел и не слышал, и никто вокруг не слышал и не видел его. В это время он был уже бесплотным духом, сохранилась лишь его душа. Тут человек заметил, что стоит рядом с собственным телом и превратился еще в одного стороннего наблюдателя. Он почувствовал, что дух его парит в воздухе и его затягивает с огромной скоростью в какой-то длинный и мрачный тоннель.

Один человек, который получил травму головы и спасся по чистой случайности, вспоминал свои ощущения в момент клинической смерти: «Я почувствовал в голове какой-то шум и потерял сознание, а потом мне стало необычайно тепло, удобно

и спокойно». Душа, покинув тело, освобождается от всех преград и тягот, и поэтому человек испытывает небывалое облегчение. Еще один человек вспоминал: «Умерев, я почувствовал огромную легкость, спокойствие и умиротворенность». Другой говорил: «Я почувствовал себя легким, как пушинка, и устремился к сверкающему передо мной миру». Таким образом, смерть — это вовсе не то место, где мрачно стенают души умерших, в смерти тепло и уютно.

Буддизм утверждает, что люди в мире подобны черепахе, влачащей свой панцирь; они влачат бремя забот и скованы в своем движении, а смерть — это освобождение от панциря жизни, преобразование телесной жизни. Некоторые люди перед смертью не в силах отказаться от мирских привязанностей, волнуются за дом и семью, не хотят умирать, противятся смерти, страдают, как черепаха, когда ее вытаскивают из панциря, мучаются, как будто их режут. Буддизм же не таков. Согласно учению буддизма, человек со смертью сбрасывает оковы жизни и чувствует необычайную легкость, дух его парит повсюду и ощущает небывалую свободу.

Смерть равно суждена и глупому и мудрому; раньше или позже она все равно настанет, разница лишь в облике, который она примет. Властители, подобные Цинь Ши-хуану, хоть и владеют всем миром и покорили все земли в пределах четырех морей, не могут достичь долголетия. Долгожители, подобные Пэн-цзу, хоть и доживают до восьмиста лет, однако, с точки зрения Вселенной, — их жизнь не дольше чем жизнь бабочки, которая рождается утром и умирает вечером. Все одушевленные существа во Вселенной рождаются и, следовательно, должны умереть. Только вид смерти у каждого из них различен. Сутры выделяют четыре вида смерти.

1. *Смерть по исчерпании срока жизни.* Это обычный вид смерти, когда заканчивается отведенный срок жизни, подобно тому, как гаснет огонь, когда в светильнике нет масла, — так что самое большое долголетие, на которое могут рассчитывать люди, все равно имеет конец. Жизнь человека пребывает в дыхании, и он в конце концов становится лишь куском желтой земли. Говорят: «Утром родился, вечером умрешь; весной расцвел, осенью увянешь; хоть через десять, сто или тысячу лет, конец все равно настанет; сколько времени пройдет, пока мы все исчезнем?» Это как раз в том смысле, что жизнь человеческая ограничена и смерть неизбежна.

2. *Смерть по исчерпании счастья.* В сутре сказано: «Мирские люди не ведают о рождении и смерти, их зрение не видит преступлений и счастья». Жизнь живых существ подобна волнам, гонимым ветром, — ветер успокаивается, и волны пропадают. Когда счастливое воздаяние заканчивается, то естественным образом наступает смерть. Богач, растративая свое до-

стояние, становится нищим и умирает голодной смертью или замерзает насмерть в придорожной канаве.

3. *Неожиданная смерть* — это то, о чем говорят «вдруг скончался», т. е. человек не должен был умереть, но неожиданно умер, например погиб на войне или в аварии, был убит бандитами или съеден дикими зверьми... т. е. все то, что заранее трудно предвидеть. Об этом говорят, что «утонуть можно и в тарелке с супом» или «вдруг кирпич на голову упал».

4. *Смерть по собственной воле*. Те три вида смерти, которые были описаны выше, невозможно предвидеть, а смерть по собственной воле можно контролировать. Это та смерть, о которой буддизм говорит как о «смерти по собственной воле». Многие великие буддийские святые жили, пока хотели жить, и умирали, когда хотели умереть, — они руководствовались конкретными причинами и условиями, а также тем, насколько они выполнили свой долг, а не подчинялись обычным для людей ограничениям. Так, великий наставник Дао-ань был полностью властен над своей смертью и однажды восьмого числа второго месяца двадцатого года Цзянь-юань (385) собрал своих учеников в Чань-ани в храме У-чжун-сы, вошел в главный зал, почтил Будду, прочел сутру и спокойно объявил своим ученикам: «Я должен уйти. Вы должны по-прежнему проповедовать учение Будды в этом смутном мире, наставляя охваченные глупостью сердца на путь праведности». Это известие было для учеников как гром с ясного неба, и они необычайно испугались и стали уговаривать наставника: «Учитель! У вас отличное здоровье, вам следует остаться в мире, продолжить мудрость Будды, как же вы можете уйти? Сейчас начнется трапеза, просим наставника откусать!» Дао-ань согласился: «Ну что ж, отведаю немного». Он спокойно вошел в трапезную, как обычно принимал пищу, затем удалился отдохнуть в свою келью и там спокойно обрел нирвану. Если следовать Дао-аню, то это лучший способ избежать боли и страдания и спокойно отправиться в свой дальний путь. Если мы будем усердно следовать Будде, отбросим кармическое сознание, ввергающее нас в путы рождений и смертей, то мы можем постичь истинное пробуждение и нирвану.

Каждый из описанных выше видов смерти имеет свои симптомы и признаки, и в сутрах описаны три вида явлений, сопровождающих человеческую смерть.

1. *Великая земля*. Если человек умирает от костной или мышечной болезни, то, умирая, он чувствует, что все его тело, как огромный остров, постепенно, шаг за шагом, погружается в океан, и он ощущает огромную тяжесть, как будто «остров погружается в океан».

2. *Великая вода*. Если человек умирает от болезней, связанных с кровообращением, то перед смертью он чувствует, как

его тело наполняется водой, он испытывает холод, который затем сменяется жаром. Это подобно тому, как «поток воды вливается в жерло вулкана».

3. *Великий огонь*. Если человек умирает от болезней, связанных с затруднением дыхания, то все его тело как будто обдувает ветер, раздувающий внутренний огонь, и тело его постепенно сгорает, превращаясь в дым и пепел, подобно тому, «как великий огонь раздувается великим ветром».

Рассмотрев виды и признаки смерти, мы обратимся к тому, что происходит с человеком после смерти. В соответствии с учением сутр о том, что тело из формы и ограниченности становится бесформенным и безграничным, положение человека после смерти гораздо лучше, чем до рождения.

1. *Пространственно-временная ограниченность*. Перед рождением человек подвержен пространственно-временной ограниченности и не может в соответствии со своими желаниями перемещаться куда ему угодно и не может вернуться в зрелое состояние, но вынужден принять вид ребенка; после смерти, сбросив оковы тела, его истинная природа обретает свободу быть повсюду в трех мирах во времени и в пространстве.

2. *Бремя тела*. В «Дхаммападе» говорится: «Среди страданий мира нет большего, чем тело; жажда, голод, тепло и холод, гнев, глупость и страх — все происходит из него». Во время жизни тело является нашим тяжелым бременем: если оно голодно, мы должны искать, чем накормить его, если ему холодно, мы должны одевать его, если оно заболело, мы должны терпеть из-за него боль и страдания... Тело приносит нам гораздо больше страдания и несчастья, чем радости и счастья. Но после смерти дух уже более не скован телом и не должен служить ему, кормить, лечить и согревать его, не должен больше влачить его вериги.

3. *Чудесные способности небожителя*. Пока мы живы, наши способности ограничиваются телом, но, когда мы умерли, мы более не подчиняемся ограничениям физического мира, можем проходить сквозь стены, видеть то, что недоступно простому глазу, слышать то, что недоступно обычному слуху. Дух обладает способностью парить в небесах, свободно летать так быстро, как пожелает, и нет такого места, куда бы он не мог добраться. Он не может проникнуть лишь сквозь алмазный трон Будды и материнскую утробу, а все остальные предметы физического мира доступны ему без всяких препятствий; дух обладает полной свободой передвижений, поистине «лишь подумал, а уже там».

Поэтому смерть — это вовсе не конец и не полное завершение, но наоборот — начало нового мира. Вырвавшись из старого тела, дух, после того как пройдет несколько десятков чело-

веческих лет, начинает искать путь своей новой жизни. Путь от смерти к новому рождению буддизм называет «промежуточным существованием». За это время следует, согласно кармическим законам и прошлой карме, найти путь нового рождения, и, когда будет достигнута полнота условий, наступит возрождение, в котором будет забыта предыдущая жизнь. Это называется «разделением существований». Благодаря этому разделения существований не помнят страданий прошлой жизни, а возродившись вновь, забывают о бедах жизни сегодняшней. У императора Шунь-чжи есть одно стихотворение: «Когда меня не было, кем был я? Когда я родился, кем я был? Взрослый и зрелый человек — это я, и закрываю глаза в полудреме — это тоже я?» Эти строки могут объяснить течение превращений после смерти.

На самом деле вовсе не важно, знаем ли мы наше прошлое, можем ли предвидеть будущее. Согласно буддизму, человек не может умереть; смерть — это лишь распадение иллюзорного физического тела, а жизнь длится вечно. Наша истинная природа, обладающая, как учит буддизм, совершенным пробуждением, пребудет вечной, постоянной и бессмертной. Мы должны понять, что наше тело — как мыльный пузырь, мы должны осознать, что мир — это кажимость; если мы добьемся этого, то сможем примириться с естественным приходом смерти и будем относиться к этому как подобает!

II. Взгляд на смерть с точки зрения загробного суда

Мы часто вспоминаем умерших близких, не знаем о том, что им выпало на долю после смерти, поэтому в годовщину их смерти мы молимся за них, читаем сутры ради их счастья. Эта забота, эти жертвоприношения показывают нашу искреннюю заботу и любовь, и, конечно, это очень хорошо. Однако у людей часто бытует ошибочное представление, что их родственники могут попасть в ад, а прочитав за них несколько раз сутру и возгласив несколько раз «Намо Амитофо», люди могут освободить из ада души умерших. Это огромная ошибка и огромное неуважение к покойным родителям, поскольку все, кто попал в ад голодных духов, совершили много зла и глубоких прегрешений, так разве же мы считаем, что наши родители — огромные грешники и злые люди? Почему бы нам не подумать: «Наши покойные родители наслаждаются счастьем в раю небожителей или обрели рождение в Западной земле высшей радости?»

Многие мировые религии утверждают, что человек после смерти подвергается суду. Так, например, даосы считают, что человек после смерти подвергается суду владыки ада, его могут бросить на гору из мечей или сварить заживо в котле с ки-

пящим маслом. Христиане говорят, что человек после смерти подвергается божественному суду: люди, как стадо баранов, покорно стоят перед престолом Бога, ожидая его приговора, а Бог разделяет всех людей, в зависимости от того, раскаялись ли они, верят ли они в Иисуса, и ставит праведных по правую руку, а грешных — по левую, как бы отделяя агнцев от козлищ, а затем Бог говорит верным: «Дана вам благодать Отца, вернитесь в уготованное царство!», а грешным говорит: «Вы жалкие люди, подите от меня прочь, вместе с бесами, в огонь и воду!»

Буддизм же по-иному смотрит на то, что уготовано человеку после смерти. Даосизм передает власть посмертного суда над нами в руки владыки ада, христианство вручает наши судьбы Богу, но буддисты верят: после смерти нас судит не Бог и не владыка ада и не Будда с бодхисаттвами, но наша собственная карма судит нас! Наше будущее определяется нашими деяниями, наше место на шести путях определяется причинами и следствиями нашей прошлой жизни. Наше счастье не в руках богов и духов, но в наших собственных руках!

Куда идет человек после смерти? Материализм учит, что смерть — это конец всего и некуда больше идти, поэтому жизнь коротка и ее легко потерять. Эта теория порождает в людях сомнение относительно сущности жизни и заставляет их страшиться смерти. Поскольку после смерти нет ничего, люди стремятся к наслаждениям, некоторые предаются грабежам и разврату, для них нет преград. Такое непонимание связи причин и следствий воистину есть ужасное заблуждение. Хотя христианский взгляд на загробный суд отличается от буддийского, но в нем также содержится представление об аде и рае, показывающее, что жизнь после смерти продолжается. Буддизм способен все же в гораздо большей степени предвидеть судьбу человека после смерти, зная, что уготовано человеку в следующей жизни. Это предвидение воплотилось в одном небольшом стихотворении:

Голова есть мудрость, глаза — рай,
У человека есть сердце, у голодного духа — живот,
Колени и суставы — у животных и птиц,
Ноги ведут напрямик в ад.

Смысл этого стихотворения в следующем: когда человек умирает, та часть его тела, которая дольше всего остается теплой, указывает, какое рождение примет этот человек. Если последней холодеет голова, то это значит, что человек обрел плод мудрости; если все тело охладело и остались теплыми только глаза, это указывает на то, что душа человека выходит через глаза, и, значит, этот человек обрел плод небожителя; если дольше всего тепло сохраняется в сердце, то человек родится в мире людей. Если после смерти теплой оказывается область

поясницы, то это значит, что человеку уготован путь голодных духов; если тепло остается в коленях и суставах, то человек родится в образе животного; тепло в ногах показывает, что человек подвергнется наказанию в аду.

Поэтому всех людей ждет разная судьба, в соответствии с их кармой. Некоторые возродятся в раю, другие — в мире людей, и необязательно все попадут в ад и станут голодными духами. Но куда мы в конце концов попадем, целиком зависит от того, какое воздаяние мы получим за нашу карму. Об этом говорится: «Хочешь знать, что ждет тебя в будущем? — Это то, что ты делаешь сейчас». Существуют три вида кармы, на которые полагается человек в загробном мире.

1. Рождение в соответствии с тяжестью совершенных деяний. Человек получает рождение в связи с тем, следствия каких деяний его прошлой жизни являются наиболее значимыми. Например, человек, совершивший много хороших деяний, получает хорошее рождение, а человек, исполненный зла, страдает на неблагих путях. «За добро воздается добром, за зло воздается злом».

2. Рождение в соответствии с привычкой. Буддизм учит, что наиболее действенным является то, что стало повседневной привычкой человека. Например, если человек всю жизнь призывал Амитабху и это стало его привычкой, то, призвав Амитабху в момент смерти, он обретает рождение в Чистой земле.

3. Рождение в соответствии с желанием. Будущее рождение очень тесно связано с повседневными мыслями и желаниями человека. Если ты всю жизнь стремился к обретению состояния Будды, то родишься в Чистой земле, но если ты все время мечтал о рождении в раю, то обретешь рождение в раю небожителей. Поэтому то, о чем ты думаешь и к чему стремишься в повседневной жизни, является крайне важным.

Как бы то ни было, после смерти человек попадает в длинный и мрачный туннель, в конце которого его уже ждут. Некоторые на лодке пересекают море рождений и смертей и ступают на другой берег, других волокут в ад бесы с лошадиными мордами, а тех, кто поклонялся Будде, встречает Амитабха с буддами и бодхисаттвами и ведет их в свой рай — в Чистую землю.

Поэтому истинный буддист должен в повседневной жизни сосредоточить сознание, сделать праведными свои мысли, совершать добро, избегать зла, и тогда он может не бояться загробного суда и не бояться смерти!

III. Отношение к смерти с точки зрения похоронных обрядов

Рождение и смерть — это великие события, и в разных странах из-за различных обычаев и верований приняты разные по-

гребальные обряды. Тело покойного зарывают в землю, кремируют, хоронят в море или под открытым небом либо устанавливают мумию в вертикальном положении... и есть еще много других способов. Чтобы сохранить тело, его замораживают, мумифицируют и так далее. В буддизме есть принципы погребальных обрядов, отличающиеся по своим целям от принятых в других религиях: после смерти человека в течение восьми часов его тело лучше не трогать и ни в коем случае нельзя плакать или стенать.

Это не только религиозное установление, оно имеет также научное обоснование. Хотя человек больше не дышит, и сердце его более не бьется, и его можно бы объявить мертвым, но мозг и нервы продолжают работать и в подсознании еще остается искра понимания, т. е. человек еще не совсем умер. Поэтому лежит он или сидит либо упал с кровати, его ни в коем случае нельзя трогать и нельзя наскоро переодевать в похоронную одежду, потому что своими действиями мы можем вызвать неудобство или причинить ему боль; это ощущение может вызвать у покойного гнев, что повлияет на его карму и вызовет неблагоприятные последствия, и он не сможет возродиться с радостным чувством. Один правитель был ревностным буддистом, и, когда он умирал, его семья собралась вокруг, охраняя его спокойствие. Вдруг комар сел на лицо правителя, и одна наложница согнала его, но нечаянно ударила правителя по лицу. Правитель испытал боль и разгневался. В тот же миг раскрылись врата зла, правитель попал на неблагие пути и возродился в виде огромной змеи. Покойника можно трогать лишь через восемь часов после смерти, и родственники могут плакать лишь по истечении этого времени. В течение же восьми часов можно только молиться, помогая духу обрести рождение, провозглашая имя Будды, и ни в коем случае нельзя плакать; если же не сдержат слез, то лучше удалиться в дальний угол и тихо плакать, так, чтобы умерший не мог слышать. Хотя его тело и застыло, но слух все еще действует, и если он услышит стонания родных, то не сможет преодолеть любовь к близким и не захочет с радостью покинуть мир и устремиться к будущему рождению. Для него это будет очень болезненно.

И правда, если человек умер, зачем еще плакать? Считайте, что он уехал путешествовать, ему наверняка очень весело и радостно; или думайте, что он достиг рая и стал буддой, пребывает в блаженстве в Земле высшей радости и более не родится в этом исполненном непостоянства и страдания человеческом мире — разве это плохо? С точки зрения буддизма — смерть это начало новой жизни; человек, подобно бабочке из кокона или птице из яйца, входит в новый, радостный и счастливый мир, так зачем же мы, оставшиеся в миру, будем связывать умершего нашим эгоизмом и препятствовать его счастью?

В том, что человека нельзя трогать восемь часов, есть еще один резон: те, кто предаются созерцанию, порой достигают такой стадии, когда право обращения замедляется, и те, кто не знает, в чем дело, могут принять такого созерцателя за умершего. Однажды старый монах углубился в созерцание, а служака, увидев, что тот не дышит, быстро отволол его тело и сжег его. Монах вышел из сосредоточения, глядь, а тела нет! Потом люди в монастыре часто слышали его голос: «Где мой дом, где мой дом?» Он так надоел всем своими стенаниями, что монахи пригласили одного почтенного наставника, чтобы он им помог избавиться от этого духа. Наставник пришел в храм и, дождавшись, когда старик вновь вышел искать свой «дом», громко закричал: «Он пошел помочиться! Зачем тебе дом?» Услышав эти слова, старый монах обрел пробуждение и с тех пор больше уже не звал и не искал свой дом.

И еще. В книге «Истинный облик смерти» писали, что один человек считался мертвым уже много лет. Однажды родственники вскрыли гроб и обнаружили, что он лежит там с переломанными руками. Оказывается, он был в летаргическом сне, и когда он ожил, то со страхом увидел, что находится в гробу. Он впал в ужас, отчаянно пытался вырваться из гроба, но не смог и в конце концов задохнулся и умер. Поэтому буддийское требование — не трогать умершего восемь часов — есть своего рода предосторожность по отношению к действительно или мнимо умершим, оно позволяет живым спокойно встретить свою судьбу, а мертвым — умиротворенными преступить порог смерти.

Что касается других буддийских погребальных обрядов, то буддизм предпочитает огненное погребение. Это гигиенично, особенно в условиях демографического взрыва и дефицита земельных ресурсов, и дешевле, чем погребение в земле; кроме того, после нескольких лет погребения в земле необходимо эксгумировать останки — это очень неудобно. А огненное погребение успокаивает тело и душу, не требует много места и экономит много сил. Я помню, как один монах уговаривал меня: «Когда я умру, разве мой пепел над морем, доставь рыбам и крабам возможность просветлиться!» Он говорил так и смело — чем не пример для современных людей, жадно цепляющихся за жизнь? Некоторые люди действительно очень жадны — покупают землю тут и там; все рассчитывают, хотят, чтобы их могила была широкой и просторной, яркой и красиво украшенной. Живые борются за землю с мертвыми, а мертвые борются с живыми — вот жадность, достойная осмеяния! Некоторые считают, что буддийский похоронный ритуал хоть и торжественен, но как-то уж слишком прост: нет похоронных процессий с оркестрами, и не стоят роскошные гробницы и парки на местах погребений — этак потомкам не выразить всю глубину своих чувств! Вопрос касается глубины понимания про-

блемы смерти: чем более человек понимает жизнь и преодолевает смерть, тем больше он отказывается от суетного мира, подобно древнему Чжуан-цзы, разбившему заставу жизни и смерти. Когда Чжуан-цзы должен был умереть, ученики хотели его торжественно похоронить и спорили, гроб из какого дерева наиболее подходит для торжественного погребения. Чжуан-цзы, смеясь, сказал: «Мой гроб — это небо и земля, солнце и луна — мои нефрит и яшма, звезды — мой жемчуг, все вещи мира — мои жертвенные сосуды, разве этого мало? Что может быть торжественнее этого?» Ученики сказали: «Нет! Если мы оставим вас под открытым небом в лесу — ваше тело съедят грифы и ястребы! Все-таки мы похороним вас лучше в гробу!» Чжуан-цзы сказал: «Какая разница — под открытым небом меня съедят грифы и ястребы, а лежа в гробу я достанусь на съедение червям. Разве это не одно и то же? Зачем бежать от ястребов, чтобы попасть на обед к муравьям, зачем так обманывать себя?»

Поэтому отношение к погребальным обрядам требует разумности и умеренности; в отношении к смерти должно руководствоваться мудростью. Если можно сэкономить деньги на похоронной процессии и раздать их нуждающимся с тем, чтобы благодать умершего передалась людям, — это то же самое, что спасти жизнь. Это не только значительный вклад в общественное благосостояние, но и заслуга для потомков и счастье для умершего. Это действительно очень важное дело!

С точки зрения буддизма, смерть — это не всеобщее уничтожение и не долгий сон; она не подобна туману или пеплу, в ней нет бессмысленности, но это лишь переход из одного состояния в другое; по лестнице смерти человек может подняться к сияющим небесам духовного мира. В буддизме есть много разъяснений смерти, но я сейчас остановлюсь лишь на шести основных.

1. *Смерть подобна выходу из темницы*; тело, охваченное страданиями, подобно тюрьме, а умерший подобен освобожденному узнику, которого более не стягивают путы.

2. *Смерть подобна окончанию школы*; жизнь подобна обучению в школе, а смерть — это аттестат зрелости, предъявив который, человек получает новое рождение в соответствии со своими успехами и достижениями.

3. *Смерть подобна новому рождению*. «Из конопли добывают масло, из сливок — масло»; смерть — это новое начало, а не завершение.

4. *Смерть подобна перемене жилища*. Есть жизнь и есть смерть — и смерть есть не более чем переезд из старого, прохудившегося жилища тела в новый, прекрасный дом. В сутре

сказано: «Олень возвращается в степь, птица возвращается в небо, святой возвращается в нирвану».

5. *Смерть подобна замене платья.* Смерть — это как замена старого изношенного платья на новое. В «Шурангама-сутре» сказано:

Все миры десяти сторон света —
Все пребывают в сознании Татхагам,
Как облако в лазурной сини небес.

Весь суетный мир, все события, вся жизнь не более чем легкое облако, пробегающее по небу, или одежда, которую мы носим, а потом выбрасываем.

6. *Смерть — это замена старого на новое.* Наше тело каждый день требует обновления, старые клетки отмирают и рождаются новые. Жизнь и смерть подобны замене старых клеток на новые, старое уходит и делает новую жизнь еще более драгоценной.

Если присутствует правильное понимание, то ясно, что смерти не следует бояться, беспокоиться нужно более всего о том, куда попадешь после смерти. Люди, пока живы, гонятся за удовольствиями, славой и богатством; они подобны ходячим трупам, кускам мяса; не думают о том, куда приведет их жизнь, не заботятся о прибежище себе. Жизнь их проходит в тумане и, подойдя к последней черте, они видят, что в руках у них пусто! Поэтому сначала нужно понять, как следует жить, и только после этого поймешь суть смерти. Конфуций говорил: «Не зная жизни, как можно знать смерть» именно в этом смысле. Не нужно бояться физической смерти, самое страшное — это мрак и заблуждение духа, которые хуже смерти! Я поэтому говорю с вами о смерти, не страшась обвинений и клеветы, ибо надеюсь, что вы проснетесь от смертного сна, отбросите грязь и ложь мира, освободитесь от страданий, непостоянства и пустоты жизни, осознаете свое прекрасное предназначение и создадите безграничные возможности для жизни!

IV. От смерти удивительной к смерти прекрасной

Наверное, слушая меня, вы все удивляетесь: разве можно считать смерть чем-то прекрасным? Если хорошенько подумать, правильно понять жизнь и учение Будды, преодолеть мрак смерти и пространственно-временную ограниченность и встать лицом к лицу с жизнью и смертью и понять, что смерти не стоит бояться, то смерть сама по себе станет прекрасной. Это будет прекрасная смерть, как смерть наставника Шань-чжао из

Фэняна, который, смеясь, шел ей навстречу, говоря: «Пришел ради живых существ и ухожу ради них».

Как умер Шань-чжао из Фэняна? Один из крупных чиновников при дворе издал приказ: стать Шань-чжао настоятелем храма Чэнтяньсы. Он присылал приказ три раза, но наставник даже не двинулся с места. Чиновник послал человека привести монаха, сурово наставляя своего посланца: «Слушай! Если не приведешь наставника, не сносить тебе головы!» Посланец прибыл вне себя от страха, стал умолять Шань-чжао покинуть Фэнян и явиться для доклада; он просил наставника спасти его жизнь. Шань-чжао понял, что уклониться не удастся, и обратился к ученикам: «Как же я вас оставлю? Кто же будет настоятелем? А с собой вас брать, так не угонитесь за мной». Один из учеников сказал: «Я могу пойти с вами. Я в день прохожу восемьдесят ли». Наставник покачал головой и, вздохнув, сказал: «Нет, слишком медленно, не догонишь». Другой ученик закричал: «Я пойду! Я могу пройти сто двадцать ли!» Наставник опять покачал головой: «Медленно! Слишком медленно!» Ученики озадаченно смотрели друг на друга, гадая, как же быстро ходит их наставник. Тут поднялся один из учеников и сказал: «Учитель, я понял, я пойду с тобой». Наставник спросил: «А сколько ты проходишь в день?» Ученик ответил: «Столько же, сколько учитель». Услышав это, Шань-чжао обрадованно улыбнулся и сказал: «Очень хорошо, пошли вдвоем!» И тогда наставник, не двигаясь и сидя на своем месте наставителя с улыбкой на устах, обрел нирвану, спасся также и его ученик, почтительно стоявший рядом. Такая игра со смертью, подчинение ее своей воле и воле обстоятельств — не проявление ли это высшей и полной свободы?

Так же и сунский наставник Дэ-пу покинул мир в высшей степени свободно и спокойно. Однажды он собрал учеников и объявил им: «Я ухожу. Не знаю, как вы потом будете меня почитать и соберусь ли я когда-нибудь зайти к вам перекусить. Чем потом горевать друг о друге, лучше вы разок почитайте меня, пока я еще жив!»

Ученики были очень удивлены, но не смели ослушаться, и все радостно почтили учителя. Кто же мог знать, что на следующий день, как только кончился снег, наставник Дэ-пу действительно почил. Этот обычай почитания до смерти кажется удивительным, но он не лишен юмора; пословица гласит: «При жизни — капля, по смерти — поток». Наверное, детям лучше всего проявлять любовь к родителям еще при их жизни, а устраивать после смерти пышные погребения и жертвоприношения довольно-таки пустая затея.

Сунский наставник Цзун-юань также рассматривал смерть как освобождение; дожив до восьмидесяти трех лет, он уже ощутил огонь осознания Дхармы Будды и не испытывал при-

вязанности к жизни. В тот момент, когда Цзун-юань должен был покинуть свое физическое тело, он сам сложил по себе погребальную песню:

В мире нет места столетним,
В сто лет станешь пищей могильных червей.
Ныне мне восемьдесят и еще три,
Я сам сложил скорбную песню по своему телу.

Разве такая смерть не прекрасна?

В сунскую династию один наставник Син-кун умер, сидя в воде. Эта история также приняла характер легенды. В это время бесчинствовал разбойник Сюй Мин. Он все сжигал на своем пути, всех жестоко убивал. Син-кун, преодолев нежелание, предчувствуя, что беды не избежать, все же бросил вызов смерти и поехал к Сюй Мину, чтобы попытаться наставить того на истинный путь. Во время трапезы он сложил стихи:

Злодей огромную устроил смуту,
Я лишь человек с быстротечной жизнью;
Не лучше ли использовать момент
И с пользою употребить обоюдоострый меч?

Так Син-кун наставил злодея в истине и спас множество людей от бедствий. Позднее, состарившись, Син-кун объявил, что хочет умереть в ванне. Он сел в ванну; в ее дне было отверстие, куда была вделана поперечная флейта, и наставник почил в ванне под плеск воды и пение флейты. Эта история стала очень популярной среди буддистов. Син-кун оставил после себя стихи:

Сидя или стоя умирать
Гораздо хуже, чем в воде:
Ведь я не трачу дров,
И мне не копают яму.
Удобно вытянуться руками и ногами,
Ничто не препятствует блаженству,
А кто являет голос мудрости?
Монах Чуань-цзы.

Оказывается, в старину монах Чуань-цзы тоже выбрал водное погребение, и Син-кун специально в его честь написал песню:

Когда Чуань-цзы вернулся домой —
Нельзя сказать, не найти ни следов, ни путей,
Ветер истины повсюду разносит голос мудрости,
Напоминание лишь в звуке флейты.

Разве не являет собой поэтическую картину смерть Синкуна и Чуань-цзы в воде под звуки флейты?

В годы Республики был монах Мяо-шань по прозвищу Живой Будда. В двадцать втором году Республики (1934) он жил в Бирме; он каждый день поднимался к статуе Будды по лестнице из раскаленных камней. Наставник получил солнечный удар, а на ступнях его ног появились нарывы, и никакое лечение ему не помогало. Когда он поднимался по лестнице, его нарывы прорвались и стали вытекать гной и кровь. Однако наставник не соглашался принять помощь от учеников и даже отказывался облиться холодной водой, чем поставил всех в безвыходное положение. Даже перед смертью наставника ученики уговаривали его обмыть ноги, на что наставник холодно ответил: «Вы хотите, чтобы я помылся. Что ж, сегодня настал день, когда я вымоюсь». Наставник радостно спустился в купальню, но ученики не успокаивались и все требовали, чтобы он лучше вымылся и «смыл» солнечный удар. Наставник, смеясь, отвечал: «Я знаю, знаю, побольше помоюсь. Сейчас помоюсь и больше уже не буду мыться».

В течение нескольких часов раздавался плеск воды, но Живой Будда все не появлялся. Все очень удивились и, войдя в купальню, увидели, что Живой Будда прямо стоит в воде, только сердце у него уже не бьется. Разве не прекрасна такая смерть, преодолевающая и саму смерть, и мрак безначального неведения?

Смерть многих чаньских наставников способна вызвать удивление: Дань-ся умер, опираясь на посох, монах Хуай-сян — стоя на коленях перед текстом сутры. Танский наставник Лян-цзя овладел жизнью и смертью и продлил по своему желанию жизнь на семь дней, а затем умер. Наставник Юнь-ань сам лег в гроб и умер, а через три дня воскрес. Наставник Шэнь-цзань из Гулина спросил учеников: «Вы знаете, что такое „беззвучное самадхи“?» Ученики ответили, что не знают. Тогда Шэнь-цзань закрыл рот и умер. Все четыре человека из семьи Хун Юня умерли удивительной смертью: сначала дочь обрела нирвану, сев на отцовское место в храме, господин Хун лег рядом с нею и умер. Сын работал в поле и услышав, что умер отец, отбросил мотыгу и тут же достиг нирваны. Госпожа Хун, увидев, что все умерли, бросилась в расщелину между камней, оставив после себя стихи:

Достичь блаженства, сидя, лежа или стоя,
Совсем не удивительное дело.
И не дожидаться, что старая Хун прилетит
На руках как на крыльях,
Рукою раздвинув твердый камень.
Я не оставляю по себе следов.

Эти наставники и миряне относились к смерти спокойно, свободно, с юмором и даже поэтически; они любыми способами стремились легко преодолеть грань между жизнью и смертью.

Они принимали смерть стоя, сидя, лежа или преклонив колени, слагая стихи и песни... они могли делать это так свободно и легко потому, что обрели мудрость преодоления жизни и смерти. Если есть жизнь, то обязательно наступит смерть. Буддисты и небуддисты умрут одинаково, но мы, верующие буддисты, должны глубже понимать смерть, должны осознать, что «жизнь — это продолжение страданий, а смерть — избавление от боли и несчастья». Мы не только не должны бояться смерти, но должны взирать на нее с надеждой; встретившись с ней, мы не должны отводить глаз, но, наоборот, должны представлять ее естественной и прекрасной.

В ходе нашей жизни мы часто делаем различные приготовления: на случай темноты мы берем фонарь, на случай дождя готовим зонт, собираем в дорогу еду, для разных сезонов у нас запасена разная одежда... а сейчас, пока еще не поздно, пока наши тело и дух еще здоровы и бодры, мы должны подготовить себе посмертное убежище, проложить себе дорогу в будущее. Мы не только должны лелеять безграничные надежды на нашу нынешнюю жизнь, мы должны твердо верить в нашу посмертную судьбу. У жизни и смерти есть свое предназначение. Дхармовое Тело истинной реальности пребудет вечно, мудрость не имеет границ. Мы, буддисты, верим, что жизнь вечна и неуничтожима!

Я желаю всем счастья и долголетия,
а также великой мудрости!

КАКИМ ПРЕДСТАВИТСЯ МИР ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ НИРВАНЫ

Далее в тексте идет описание того, как будет выглядеть мир после обретения нирваны. Автор описывает различные аспекты этого состояния, включая освобождение от страданий, достижение вечного счастья и мудрости. Текст содержит много философских и религиозных терминов, связанных с буддизмом, таких как «дхарма», «нирвана», «сатори» и другие. Автор подчеркивает, что это состояние достигается через практику и понимание истинной природы вещей.

Следом за этим идет описание того, как будет выглядеть мир после обретения нирваны. Автор описывает различные аспекты этого состояния, включая освобождение от страданий, достижение вечного счастья и мудрости. Текст содержит много философских и религиозных терминов, связанных с буддизмом, таких как «дхарма», «нирвана», «сатори» и другие. Автор подчеркивает, что это состояние достигается через практику и понимание истинной природы вещей.

Дорогие наставники, дорогие верующие!

Сегодня, в последний день нашей буддийской конференции, я хотел бы поговорить с вами о том, каким нам представится мир после обретения нирваны.

Для нас, буддистов, обретение нирваны представляется самой желанной целью; нирвана — это мир, исполненный красоты и счастья, это убежище, о котором мечтает каждый. Но люди зачастую не понимают, что такое нирвана, и впадают в заблуждение относительно ее природы. Так, похоронные процессии часто несут надпись «Обрел великую нирвану», люди часто говорят об умершем, что он достиг нирваны — тем самым они понимают под нирваной смерть. Но если нирвана — это смерть, то разве не нелепы и не смешны наши усилия, которые, оказывается, направлены лишь на то, чтобы умереть? Нирвана — это не смерть, это — преодоление смерти.

Последователи Малой Колесницы и ложных учений часто понимают под нирваной уничтожение, гибель, пустоту и отсутствие. Так, один из шести учителей внешних путей говорил: «Исчезает тело, исчезает счастье — это и называется нирваной». Сутры Малой Колесницы гласят: «Восприятие и скандхи истощаются, угасает огонь и останавливается ветер — это и называется нирваной». В «Абхидхармакоше» сказано: «Когда нет соединения, наступает распад; распад и есть нирвана», — это значит, что пять скандх тают, как мираж, разрушается физическое тело — это и называется нирваной. На самом же деле понимать нирвану как прекращение, уничтожение, пустоту ошибочно. Такое понимание не только демонстрирует незнание высшей истины нирваны, но и извращает глубокий и чистый смысл учения Будды.

Сидя на алмазном троне под деревом пробуждения, Будда узрел в ночном небе сияющую звезду, осознал высшую истину человеческой жизни и Вселенной и обрел наивысшее полное пробуждение. Это наивысшее полное пробуждение и есть нирвана; оно означает отказ от противопоставления себя и других, преодоление пространственно-временной ограниченности и понимание того, что жизнь вечна и бесконечна. Почему нужно

стремиться к нирване? Потому, что человеческая жизнь — это лишь краткий миг; она проносится, как сон, и развеивается, как легкий туман. Человек пребывает в маленьком физическом теле: «В огромном доме из тысячи комнат он займет лишь несколько шагов, с огромного поля он съест лишь горсть риса». Жизнь человека ограничена пространством и временем, а если мы обречены нирвану, то разобьем оковы пространства и времени и будем твердо стоять на земле, головой касаясь Неба, преодолеем время, «пребудем вечно новыми в тысячах калп». Мы будем пребывать повсюду, нам будет все доступно, мы преодолеем страх смерти и непостоянства и пребудем вечно живыми в бесконечности времени и пространства.

Поэтому в мире нирваны «сознание вмещает в себя Вселенную и объемлет бесчисленное множество миров», вещи и люди пребывают в гармонии, Я и другой обретают единство, и нет более расчетов, корысти и зависти, более не существуют гнев, ненависть и различающая мысль. Говоря проще, нирвана устраняет противопоставления Я и иного, преграды пространства и времени; нирвана — это мир наивысшего света, это наша чистая, незамутненная изначальная природа, наша истинная личность!

Я разделю свое выступление на четыре части и сейчас начну с разъяснения имени нирваны и покажу, что же это за «мир нирваны».

1. Смысл слова «нирвана» и ее виды

«Нирвана» соответствует третьей благородной истине буддизма — «истине уничтожения». Здесь слово «уничтожение» употребляется не в обычном смысле; применительно к нирване слово «уничтожение» выступает как существительное и одновременно глагол «уничтожать». В своем глагольном значении «уничтожение» указывает на уничтожение аффектов «страданий», противопоставлений, различий, преград и других видов неведения. Когда это уничтожение завершено, слово «уничтожение» выступает уже как существительное, обозначая успокоенный мир, не подверженный загрязнению, и в этом смысле «уничтожение» означает совершенную радость, свет, единство и гармонию, свободу. Смысл слова «нирвана» можно разъяснить с четырех точек зрения:

1. Разъяснение с точки зрения единства различия имен

Разъяснение нирваны через отрицание характерно для целого ряда буддийских сочинений, где нирвана описывается как «недеяние, безграничность, неподверженность аф-

фектам, нерожденность, непретывание, непроявление, неуничтожимость, невозникновение, незагрязненность» и еще сорок три характеристики. «Рассуждение о четырех истинах» определяет нирвану как «неразрушимую, не несущую ущерба, наивысшую, не имеющую преград, не подверженную стремлениям, неизмеримую, нестрадающую...» — всего приводится шестьдесят шесть характеристик. Это образцы разъяснения нирваны через отрицание.

Разъяснение нирваны через утверждение также присутствует в ряде сочинений: «нирвана — истинно-реальна, это — другой берег, это тончайшее, умиротворенное, вечное, спокойное, победоносное, наилучшее, редчайшее...» — всего пятьдесят одна характеристика. Еще существует иное определение: «Нирвана — это освобождение, преодоление, единство, полнота, чистота, высшее, истина, истинная реальность...» — всего сорок шесть определений. Это все — разъяснения нирваны через утверждение.

Разъяснение нирваны в различных сутрах. Объяснения смысла понятия «нирвана» в разных сутрах выглядят по-разному:

«Махапаранирвана-сутра» гласит: «Природа Будды» и есть нирвана.

«Аватамсака-сутра» учит: Собственная природа всех дхарм и есть нирвана.

В «Лотосовой сутре» сказано: Путь наивысшей единой колесницы и есть нирвана.

В «Махапраджня-парамита-сутре» говорится, что «праджня», которая ничего не знает и знает все, и есть нирвана.

«Шурангама-сутра» гласит: Обретение «исчерпания рассуждений и успокоения движения» и есть нирвана.

В «Вималакиртинирдеша-сутре» сказано: «Врата недвойственности десятой ступени» и есть нирвана.

Из «Шрималадэви-сутры» явствует, что «вместилище Татхагаты», «чистое по своей природе сознание» тоже являются нирваной.

Хотя имена и термины, обозначающие нирвану, в каждой сутре различаются, но смысл их един, все они указывают на «чистую собственную природу», «истинно-реальную основу». Мы, верующие буддисты, более всего должны заботиться о собственном очищении, должны найти в себе истинную нирвану. Я спрошу вас: нашли ли вы в себе истинную нирвану? Я сейчас укажу четыре критерия, так чтобы каждый мог проверить себя: в «Агама-сутрах» дается четыре определения нирваны и вы, в соответствии с ними, посмотрите, далеко ли вам еще до нирваны:

1. Сознание, изгнавшее все желания и стремления, пребывает в нирване.

2. Нирвана наступает, когда из сознания изгнаны гнев и ненависть.
3. Нирвана наступает, когда устранены неведение, глупость и приверженность к ложным учениям.
4. Нирвана наступает, когда уничтожены различие и аффекты.

Эти четыре определения образуют сто процентов. И пусть теперь каждый посмотрит, чего он достиг. И если вы еще недостаточно близки к нирване, вам необходимы усердие и твердость.

2. Разъяснение нирваны с точки зрения ее самой

В «Агама-сутрах» сказано, что «желания совершенно устраняются, гнев совершенно изгоняется, глупость совершенно уничтожается, и все аффекты совершенно прекращаются». Из этого видно, что обретение нирваны состоит прежде всего в уничтожении желаний, гнева, глупости и устранении аффектов.

«Махавибхаша-шаstra» гласит, что нирвана — «это уничтожение аффектов, погашение трех огней, умиротворение трех свойств, оставление всех путей». То есть через изгнание аффектов и погашение огней гнева, глупости и желания достигается умиротворение трех свойств, т. е. свойства освобождения, свойства покидания и свойства уничтожения или свойства отсутствия рождения и смерти, отсутствия нирваны, отсутствия свойства и отсутствия отсутствия свойства, а также оставление благих и неблагих путей рождений и смертей, обретается мир, свободный от страдания, т. е. мир нирваны.

Великий наставник Сюань-цзан разъяснил нирвану как «совершенное умиротворение». «Совершенное» означает полноту обладания всеми добродетелями; «умиротворение» указывает на прекращение загрязняющих воздействий и аффектов — это и есть истина нирваны.

Мы часто говорим: «Человеческая жизнь непостоянна», но внутри этого непостоянства присутствует вечное постоянство нирваны. Жизнь — страдание, а нирвана — абсолютное блаженство. Человек не имеет Я, ибо это Я несовершенно, а нирвана обладает Я, ибо только Я нирваны является совершенным и окончательным; жизнь полна грязи и волнения, а нирвана — это Чистая земля, пребывающая в нашей природе. Я постараюсь объяснить это как можно проще:

Нирвана — это высший идеал буддизма. Нирвана — это цель, ради которой Будда стремился к истине. Нирвана — это предел исканий человеческой мысли. Нирвана придает нашей жизни высшую истинность и высшую ценность. Нирвана — это лучшее убежище в нашей жизни. Нирвана — это блаженство

и счастье. Нирвана — исток Вселенной и всех вещей. Нирвана — это прекрасный мир постоянства, блаженства, реальности Я и чистоты.

3. Объяснение нирваны с точки зрения ее особенностей

После того как мы выяснили, что такое нирвана, давайте обратимся к тому, как ее описывали те, кто ее обрел, чтобы уяснить ее особенности. Из писаний прежних мудрецов известно, что нирвана обладает десятью качествами:

1. Нирвана подобна лотосу. В буддизме лотос рассматривается как самый чистый и прекрасный цветок. Он обозначает прекрасную природу благородного мужа, ибо лотос растет из грязи, но не пачкается ею. Нирвана, подобно лотосу, не загрязняется аффектами, но не может быть достигнута вне жизни и смерти.

2. Нирвана подобна воде. Нирвана чиста и прохладна, как вода; она может погасить огонь страстей и желаний; нирвана, подобно воде, утоляет жажду наших желаний.

3. Нирвана подобна противоядию. Нирвана — это место, где обретают успокоение живые существа, отравленные ядами аффектов. Нирвана, как чудесная роса, излечивающая все болезни, избавляет нас от страданий, желаний и аффектов.

4. Нирвана подобна океану. Океан не испытывает любви или ненависти ко всему живому, так и нирвана свободна от всяческих аффектов и привязанностей, не знает препятствий и преград. Это имеют в виду, когда говорят: «Нирвана не знает ни любви, ни ненависти». Гладь океана беспредельна, он не знает деления на тот и этот берег, он вбирает в себя все реки и не переполняется; нирвана также широка и безгранична, также принимает в себя всех живых существ, и для всех в ней есть место.

Океан чист, это место рождения бесчисленного множества живых существ; нирвана тоже не знает грязи и смывает грязь страстей и аффектов, это место, где обитают архаты, обретшие свободу и великие духовные силы.

Океан невозможно измерить, в нем расцветает бесконечное множество цветов волн; также нельзя измерить и нирвану, которая рождает чудесные цветы и распахивает множество широких, чистых и исполненных мудрости ворот к освобождению.

5. Нирвана — как пища. Пища поддерживает наше тело и придает нам сил; тот, кто обрел нирвану, не подвержен смерти, наслаждается безграничным долголетием. Нирвана составляет вечно сиять свет жизни.

Пища поддерживает наши физические силы, обретение нирваны доставляет нам духовное могущество. Пища делает нас более красивыми физически, а обретение нирваны делает

нас духовно прекрасными. Пища утоляет голод и избавляет от слабости, нирвана же освобождает нас от голода страданий и слабости, успокаивает нас в наших терзаниях и душевном смятении.

6. Нирвана — как космическое пространство. Она не рождается, не умирает, не исчезает; ее нельзя покорить, и нельзя украсть, и нельзя ничем перегородить. Поэтому мир нирваны безграничен: он нигде и везде, он ни на что не опирается, не служит опорой всем вещам, мудрый может обрести в нем совершенную и полную свободу.

7. Нирвана подобна драгоценности Мани. Она излучает прекрасный свет, дает людям радость и исполняет их желания.

8. Нирвана подобна дереву мелии. Красная мелия — это редчайшее дерево; и нирвана, подобно ему, испускает чудесный аромат, приводящий в восхищение мудреца.

9. Нирвана — как сливки. Каков вкус нирваны? Она как сливки, насыщена прекрасным светом добродетели, чудесно пахнет исполнением заповедей и обладает нежнейшим вкусом.

10. Нирвана — как вершина горного пика. Нирвана подобна величавому пику, пребывающему неподвижным среди грома бурь и сверкания молний, — никаким аффектам, никакому злу не дано покорить его. Тверда земля на вершине пика, сквозь нее не могут прорасти семена зла и страданий; это мир, окончательно освободившийся от грязи и вреда.

4. Разъяснение нирваны с точки зрения ее видов и уровней

В сутрах нирвана делится на виды и уровни — ведь и в школе есть начальная, средняя и высшая ступень; так и мир, открывающийся на разных этапах обретения нирваны, различен. Сейчас я разъясню уровни нирваны по принципу от простого к сложному.

1. Обыденная нирвана глупцов. В Индии был один еретик, который, всякий раз, поев, хлопал себя по животу и говорил: «Вот где нирвана!» Больные люди, вылечившись, чувствуют себя хорошо и говорят, что достигли нирваны. Бедняк, неожиданно разбогатев, тоже говорит, что он достиг нирваны. Трусы, которым посчастливилось избежать опасности, тоже говорят о нирване. Когда нирвану понимают только как утоление чувственных желаний и не говорят о достижении нерушимости духа, то это обыденное понимание нирваны. Эта нирвана рождается в изменчивом мире причин и следствий и поэтому может мгновенно исчезнуть, иметь обратный эффект, а время наслаждения ею может быть очень коротко. По отношению к приведенным выше характеристикам истинной нирваны эта

обыденная нирвана не составит и двух-трех процентов. Это не истинная нирвана.

2. Нирвана, имеющая остаточную опору. Обыденная нирвана соответствует уровню младшей школы, а нирвана, имеющая остаточную опору, — уровню средней школы. В мире имеющей остаточную опору нирваны хотя и сохраняется физическое тело, подверженное страданиям голода и холода, но природа сознания может преодолеть все аффекты и не подвержена влиянию голода и холода и спокойно реагирует на все явления человеческой жизни. Хотя в имеющей остаточную опору нирване преодолена привязанность к Я и устранены аффекты, по причине наличия тела человек не может истинно войти в мир без страдания. Когда он голоден, он должен есть; от холода ему холодно; он устает, стареет и болеет. Это еще не есть совершенная и полная нирвана. Однако тот, кто вошел в нирвану, имеющую остаточную опору, не впадает в грусть и гнев и не порождает в себе аффекты из-за страданий тела, но может, реализовав в себе дхармовую природу, ощутить в своем теле свободу от рождения и смерти. По всему миру, в Тибете, а также у нас на Тайване есть люди, достигшие нирваны, имеющей остаточную опору. Я приведу вам в пример двух людей, достигших нирваны: первый — это главный ученик Будды Махакашьяпа. Хотя он родился две с половиной тысячи лет назад, он до сих пор живет в этом мире, ибо, согласно воле Будды, он хранит его одеяние и чашу для подаяний, чтобы через пятьдесят шесть миллионов лет передать сошедшему на землю бодхисаттве Майтрейе. Несколько десятилетий назад французский профессор Бергсон встретился с почтенным Махакашьяпой в Индии у горы Кукуттапада и принял у него прибежище.

Второй пример — это Длиннобровый архат из числа восемнадцати архатов. Согласно воле Будды, он должен в век Конца закона спасать и просвещать глупых и заблудших живых существ. В истории китайского буддизма есть три записи о Длиннобровом архате; например, с ним встречался великий наставник Дао-ань в IV в. н. э. Почтенный Кашьяпа и почтенный архат до сих пор пребывают среди нас — это поистине удивительно.

3. Нирвана, не имеющая опоры. Этот уровень обретения нирваны соответствует университету. На этой стадии прекращается кармическая деятельность, отсутствует тело, распадается единство тела и сознания, и более не происходит новых рождений и не получается новое воздаяние. Обретший это состояние может, явив свою изначально реальную природу, создавать себе разные облики, он обретает единство со всеми вещами и более не оставляет следов. Об этом говорят: «Десять миров, прошлое и будущее — все в одном мгновении мысли; безграничные земли, Я и другой — все на кончике волоса». Это

высказывание описывает тех, кто достиг нирваны, где нет ни внешнего, ни внутреннего, ни богов, ни людей.

В одной из сутр рассказывается о «достигшем Неба» брахмачарине, который достиг чудесных способностей, так что мог с первого взгляда определить прошлую судьбу любого человека. Лишь взглянув на труп, он мог сказать, что это за человек, кем он был и когда умер, и никогда не ошибался. Однажды Будда указал ему на лежавший рядом череп и попросил определить, кто это был. Брахмачарин очень долго смотрел в замешательстве на череп, но так и не смог понять, кто это, и в чем причина смерти, и кем он переродился. Будда объяснил ему: «Это череп человека, достигшего нирваны. Его дух пребывает в безначальном и в бесконечном, ему неведомы внешнее и внутреннее. Он может не рождаться и не умирать, он пребывает в единстве с принципами и вещами, вмещает в себя десять сторон света и пронизывает собой все миры, поэтому ты и не можешь ничего узнать по оставленным им костям и пеплу». Поэтому архата, достигшего нирваны, не имеющей опоры, нельзя распознать по оставленным им физическим останкам, потому что карма его исчерпалась, воздаяние прекратилось, и он более не связан путами физического тела.

4. Великая нирвана. Это то, что мы обычно называем «анутара-самьяк-самбодхи», это также и Дхармовое тело Татхагаты. В «Шрималадэви-сутре» сказано: «Дхармовое тело есть основа Махапаринирваны Татхагаты». Великая нирвана — это дхармовые миры всех будд, глубочайшее самадхи всех будд, мир постоянного, блаженства, реальности Я и чистоты. В «Лотосовой сутре» сказано: «Только Татхагата обрел великое пробуждение, достиг высшей полноты всей мудрости, это и называется Великой нирваной».

Кроме этих четырех видов нирваны, я хотел бы еще затронуть четыре понимания нирваны школой виджнянавады.

1. Нирвана чистоты собственной природы. Все дхармовые свойства реальны, хотя они могут подвергнуться загрязняющим внешним воздействиям, но собственная природа дхармового тела остается неизменной и обладает множеством чудесных добродетелей, не рождается и не умирает, чиста и пуста и всеохватывающая. Этой природой истинной реальности в равной степени наделены все живые существа, она не отличается и не едина со всеми дхармами, и каждый человек может, не опираясь на внешнее, реализовать свою чистую и незамутненную собственную природу.

2. Нирвана, обладающая остаточной опорой. Это то же самое, о чем говорилось выше, — истинная реальность уже освободилась от аффектов, хотя некоторые страдания остались, аффекты более не производят следствий и не происходит воздаяния.

3. Нирвана, не имеющая опоры. Человек покидает колесо рождений и смертей, обрубает все аффекты, оставшиеся опоры тоже уничтожаются, незначительные страдания устраняются. Это то же самое, о чем говорилось выше.

4. Нирвана без пребывания. Она подобна упоминавшейся выше великой нирване. На этой стадии истинная реальность уже свободна от преград знания и преобразует мир благодаря великому состраданию и мудрости. Поскольку присутствует истинное сострадание, человек не становится привержен к блаженству нирваны, но, видя страдания живых существ, постоянно оказывает им милосердную помощь. Поскольку у обретшего нирвану имеется истинная мудрость — праджня, он не привержен к пустотности и условности нашего мира, видит иллюзорность всех дхарм, он переводит живые существа через заблуждения и служит для них факелом во тьме неведения. В сутре сказано: «Благодаря мудрости не пребывает в жизни и смерти, из-за сострадания не пребывает в нирване». Если достигнешь неприверженности к нирване, то сможешь идти путем мудрости и милосердия, преодолешь и чистое и грязное. Говорят: «Как говорит Небо? Сменой времен года, рождением живых тварей — так говорит Небо!» Чудесный мир нирваны подобен Небу, которое объемлет все; его не объемлет ничто, он включает в себя все дхармы, но сам ни во что не включен. Бодхисаттва не привержен ни одной дхарме, но использует все дхармы на благо живых существ.

Из этих определений нирваны видно, что ее можно достигнуть не только после смерти. Будда достиг нирваны под деревом пробуждения на алмазном троне в тридцатилетнем возрасте — у него осталось только тело, т. е. это была нирвана, имеющая остаточную опору. То успокоение, которое он обрел под двойным деревом в восемьдесят лет, было нирваной, не имеющей опоры, а та жизнь, которую он вел в течение пятидесяти лет, преобразовывая мир и откликаясь на все призывы, — это была жизнь без загрязнений и приверженностей — нирвана без пребывания. Только такая жизнь, исполненная сострадания и свободы, когда пребывают не пребывая, и есть истинная великая нирвана!

Итак, мы разобрали виды нирваны, а теперь, для того чтобы вы еще сильнее устремились к освобождению из пут мира и привязанностей, я расскажу вам о том, где мы упокоимся после обретения нирваны.

II. Где мы пребудем после обретения нирваны?

Все мы знаем, что живые существа живут в мире, охвачены аффектами пяти желаний и шести видов пыли, живем среди ограниченности, но кто знает, где пребывают бадхисаттвы и ар-

хаты, обретшие нирвану? В сутре сказано: «Бодхисаттва — это чистая луна, обитает в поднебесье; является луной пробуждения для живых существ». Из этого следует, что обретшие нирвану бодхисаттвы пребывают в воздушном пространстве. Услышав об этом, многие могут подумать о пространстве, в котором ничего нет, где все исчезло, и испугаться. Не бойтесь! Ибо для бодхисаттвы — это всеобъемлющее и всепроникающее безграничное пространство — «тысяча лун в тысяче рек», вечное и постоянное, неизменное пространство. В миру — ты лишь ограниченный человек, вне мира — сверкающая небесная мудрость. Если ты знаешь, что такое нирвана, то обнимешь всю Вселенную дхармовым телом своей истинной природы. Мир наивысшей пустоты — это мир, где ты всюду дома.

В буддийских сочинениях описан один случай. Танский император Шунь-цзун спросил у наставника Фо-гуан Жу-маня: «Откуда пришел Будда? И куда отправился? Ведь говорят о непробывании, так где же он сейчас?» Наставник ответил:

Будда пришел из не-деяния
и ушел в не-деяние;
Дхармовое тело объемлет пространство,
И нет намерения к постоянному пребыванию.
Мысль возвращается к немислию,
Пробывание возвращается к не-пробыванию;
Он пришел ради живых существ
И ушел ради живых существ.
Постоянно в тишине пребывает основа,
В чистом море истинной реальности;
Мудрец задумается над этим
И больше не будет сомневаться.

Смысл этого в том, что Дхармовое тело Будды объемлет собой пространство, его субстанция постоянно пребывает в море истинной реальности. Будда действует не-деянием, пребывает не пребывая. Он не доступен обычному разумению. Однако Шунь-цзун не понял, что значит «пробывать не пребывая», и вновь спросил наставника:

Будда родился в царском дворце,
Почил под двойным деревом;
В миру был сорок девять лет
И сказал, что ему нечего проповедать.
Горы и реки, и большие моря,
Земля и Небо, и солнце, и луна;
Когда приходит срок, уходят в никуда,
Как же говорят, что нет рождения и смерти?

Поскольку Шунь-цзун рассматривал вопрос о рождении и смерти Будды с точки зрения обычных людей о рождении и гибели физического тела и не понимал, что Дхармовое тело

Будды пребывает повсюду, поэтому наставник Фо-гуан Жу-мань просветил его:

Субстанция Будды есть не-деяние;
Заблудший ум впадает в различение,
Дхармовое тело равно пространству,
Никогда не рождалось и не умирало.
Возникли условия, и Будда явился,
Условия исчезли, исчез и Будда;
Он повсюду спасал живых,
Но был как луна в воде.
Не постоянен и не смертен,
Не родился он и не умер;
Рождаясь, он не рождался,
А умерев, не умер.
Он познал не-рожденность,
Так что же он мог проповедовать?

Дхармовое тело Будды подобно пространству; оно не рождается и не гибнет, обладает полной достаточностью, лишь только различающая мысль невежественных людей породила ошибочное представление о том, что Будда родился, старел, болел и умер, как все люди; и поэтому люди не могут понять, что истинно-реальная природа Будды, подобная воздушному пространству, не рождается и не умирает. В действительности Будда явился в мир ради великого дела спасения живых существ; когда условия для этого исчезли, он опять вернулся в истинную реальность. Дхармовое тело «Так приходит» и «Так уходит», не рождается и не умирает. Будда смог достичь нирваны только потому, что не сохранил ни одной частицы привязанности или заблуждения, в противном случае он не смог бы обрести чистый мир не-пробывания.

История о том, как наставник Цзинь-бо Фэн едва не лишился плодов пробуждения из-за привязанности к своей чаше, является хорошим доказательством этого: наставник Цзинь-бо Фэн, хотя и достиг пробуждения и преодолел все привязанности, но не мог справиться со своей приверженностью к яшмовой чаше. Каждый раз, перед тем как погрузиться в созерцание, он ее заботливо укладывал и лишь потом спокойно погружался в созерцание.

Однажды владыка ада, видя, что срок жизни наставника истек, послал чертенят привести его. Предчувствуя, что его время пришло, наставник погрузился в глубокое созерцание, так что чертенята ждали несколько дней, но никак не могли вывести его из сосредоточения. Они попросили совета у местного духа земли, и он сказал: «Этот Цзинь-бо Фэн более всего любит свою нефритовую чашу для подаваний, если вы ее заберете, он это сразу почувствует и очнется». Черти, услышав это, быстро схватили чашу Цзунь-бо Фэна и стали ее подкидывать. Цзинь-бо

Фэн почувствовал это, сразу же очнулся и стал хвататься за свою чашу. Чертенята, видя, что он очнулся, схватили его за руки и, смеясь, сказали: «А теперь, пожалуйста, пройдемте с нами к владыке ада!»

Тут Цзинь-бо Фэн понял, что минутная вспышка привязанности грозит погубить плоды его многолетнего совершенствования, и тут же разбил свою чашу и обрел «нирвану без опоры», а также оставил после себя знаменитые стихи:

Поймать Цзинь-бо Фэна —
Как сковать пространство цепью;
Если кто-то закует пространство в цепи,
Пусть потом приходит за Цзинь-бо Фэном.

Поэтому, если хочешь войти в мир нирваны, ты должен искоренить все малейшие привязанности и заблуждения, а если войдешь в нирвану, чувства тебя не беспокоят, мирские пути не потревожат тебя, и ты повсюду будешь дома.

Хотя нирвана есть преодоление мира и спокойное пребывание в пространстве, эта сияющая пустота достигается вовсе не через отвержение мира; но что же тогда понимается под нирваной преодоления мира и в то же время пребывания в миру? Ниже я объясню вам, как выглядит реальная жизнь после обретения нирваны.

Жизнь в миру после обретения нирваны подразумевает несколько качеств.

1. Пребывать в спокойствии, невзирая на обстоятельства. Шестой патриарх Хуай-нэн, чтобы избежать борьбы за рясу и патру патриарха, в течение пятнадцати лет скрывался среди охотников. И хотя он каждый день выходил с ними на охоту, всякий раз, видя попавших в силки птицу или зверя, он выпускал их, а во время отдыха учил охотников великому состраданию к живому. Всякий раз, когда охотники варили на костре добычу, он бросал в костер несколько съедобных листьев, а когда над ним начинали смеяться, что он не ест мяса, он отвечал: «Я ем только листья, а не мясо». Проведя в трудностях и лишениях пятнадцать лет, Хуай-нэн не считал свою жизнь страданием, ибо он давно осознал чудесную истину блаженства в нирване. Поэтому он сохранял свободу, невзирая на обстоятельства; не проповедуя, он проповедовал; не исполняя заповедей, он следовал им неукоснительно.

2. Жить в соответствии с условиями. Обретя нирвану, следует жить в соответствии с условиями. В соответствии с «Алмазной сутрой» Будда Шакьямуни, хотя и обрел нирвану с остаточной опорой, однако продолжал вести жизнь, соответствующую условиям и принятым нормам, жизнь, исполненную шести парамит. В «Алмазной сутре» сказано: «И тогда, во время приема пищи, Будда оделся, взял патру, вошел в великий город Шравасты просить пищу, а завершив прошение,

вернулся на прежнее место. Съев пищу, Будда собрал одежду и патру, вымыл ноги, подготовил сиденье и сел». Все вышеописанное — облачение в одежду, поход за пищей, мытье ног и т. д. — с виду представляются картиной совершенно обычной жизни. Однако, с точки зрения буддизма, Будда в совершенстве явил образ жизни, согласный с условиями: одеваясь, он испускал свет телом; подавая патру, испускал свет руками; входя в город за пищей, испускал свет подошвами ног, потребляя пищу, он испускал свет изо рта; устраивая сидение и садясь, он испускал всем своим телом свет мудрости — праджни. Те, кто подобно Будде, обрел нирвану, все равно должны есть, спать, ходить, стоять, лежать, не должны отбрасывать мирскую жизнь. Однако они должны уничтожить все мирские привязанности, глупость и заблуждения; в соответствии с условиями они должны являть собой преобразующий свет праджни, стать как солнце и луна, освещающие всех. Это не одно и то же с обычными едой и сном.

3. Быть свободным в соответствии с желанием. Те, кто обрел нирвану, пребывают в наивысшей пустоте, преодолели и уничтожили все аффекты. Они видят пустотную природу мира и его непостоянство, и у них не рождается ни одной привязанности, они не чувствуют любви или ненависти. Сознание их спокойно, действия их прямы, они повсюду свободны, даже горящее море желаний они превращают в прохладную, благодатную землю. Такая жизнь описана в «Сутре о Вималакирти», который «жил дома, но не был привержен к трем мирам, имел жену и детей, но совершенствовался в благих деяниях». Он пребывал в пыли, но не испачкался и вел действительно свободную жизнь. Практика Малой колесницы, которая выжигает ростки и корни мира, не дает возможности своим последователям усвоить пустотную природу дхарм, Малая Колесница боится мира разнообразия. Только бодхисаттвы Великой Колесницы могут «пройти сквозь сто цветов и не коснуться ни одного листика»!

4. Жизнь для спасения живых существ. Тот, кто обрел нирвану, не ищет для себя блага, он спокоен в любой обстановке, живет в соответствии с условиями, он свободен и не заблуждается относительно объектов. Он активно вступает в мир и в соответствии с условиями силой наивысшей мудрости спасает живые существа. Так, Авалокитешвара помогает всем, кто к нему взывает; он держит в руках ветви ивы, которыми разбрызгивает повсюду благодатную росу буддийского учения, чтобы потушить горящие от страстей дома живых существ. Это и есть жизнь, направленная на спасение живого!

В обществе давно укоренилось убеждение, что буддисты отвергают мир, склонны к индивидуализму, не обращают внимания ни на людей, ни на общество, ни на государство, проводят дни в постах и с закрытыми глазами предаются созерцанию —

это, мол, и есть буддизм. Такое понимание противоречит буддийской установке на спасение всех живых существ. Обретя пробуждение, Будда не остался предаваться блаженству в нирване, в течение пятидесяти лет он бродил по берегам Ганга, входил в дома людей, орошал сладкой росой буддийского учения иссушенные сердца людей. Сегодня мы, буддисты, должны воспринять от Будды обет великого сострадания, войти в общество, чтобы спасти живые существа, обратить их к истине. Это принесет нашему обществу счастье, благоденствие, пользу и процветание.

Дух жизни, направленной на спасение других, можно передать высказыванием Конфуция: «Пока на службе, наставляю на путь тех, кто далеко, после смерти же обращаюсь к себе», а также словами обета бодхисаттвы Кшитигарбхи: «Пока ад не опустеет, клянусь не становиться Буддой». Повсюду спасать живые существа, повсюду распространять Дхарму Будды — это и есть истинная жизнь того, кто обрел нирвану.

III. Ощущение нирваны и ее обретение

Я полагаю, что, услышав о том, как прекрасна и свободна жизнь после обретения нирваны, все пожелали уже достичь ее и вырваться из моря страданий рождений и смертей. Сейчас я хочу поговорить о том, как убедиться в существовании нирваны и как ее достичь.

Как мы можем узнать, что нирвана существует? На этот вопрос очень трудно ответить конкретно. Ведь если нас спросят, сколько воды в океане или сколько там рыб и крабов, мы не будем знать, что ответить. Так и в этом случае — знание о нирване выходит за сферу нашей компетенции, и это вообще вопрос не только знания. Если нас спросят: «Какие формальные признаки нирваны? Какое она занимает положение? Каков ее возраст?» — на эти вопросы не ответить с помощью сравнений или цифр, ибо нирвана не связана ни с какой вещью обыденного мира. Она не возникла, не возникнет и не должна возникнуть, она — не прошлое, не настоящее и не будущее. Она не подвластна нашим пяти чувствам, она превосходит все противопоставления обыденного мира, «слова перед ней бессильны, любое деяние ничто перед ней». Ее нельзя никаким образом описать словами. Однако через последовательное осознание и реализацию буддийского учения мы можем убедиться в существовании нирваны. Мы не можем схватить руками ветер, но мы точно знаем, что ветер существует, точно так же мы, хотя и не можем представить нирвану через цвет или форму, но через действительное осознание можем убедиться в ее существовании. Нирвану, как и пространство, невозможно схватить, невозможно определить, ибо она превосходит доступный нам из

опыта мир, нирвана — это мир Будды, «а если человек хочет познать мир Будды, то должен сделать свои устремления чистыми, как пространство». Чистым сознанием, наполненным мудростью, мы можем убедиться в истинном существовании нирваны.

Хотя нирвана не дана нам из опыта, но мы также не можем отрицать ее существования, так же как мы не можем отрицать существования микробов и бактерий из-за того, что мы их не видим. Хотя мы не можем быстро реализовать нирвану, однако учения мудрецов, которые достигли ее, убеждают нас в том, что нирвана — действительность. Так, например, сострадание к больным людям заставляет нас, здоровых, ощущать боль. Нирвана подобна огню, который не пребывает нигде в вещах, однако возникает от трения двух деревяшек. Нирвана, заключенная в нашей чистой природе, такова же, когда мы обретаем великую мудрость и, движимые состраданием, устремляемся на помощь живым существам; нирвана, присущая нам по природе, вспыхивает как огонь и освещает всю Вселенную. Так, через вечные мудрость и сострадание мы можем достичь нирваны.

Каким образом мы можем достичь нирваны? К достижению нирваны надо идти тремя путями.

1. Основываться на исполнении заповедей. Царь Милинда однажды сказал: «Если взывающий пути будет исполнять заповеди и с усердием совершенствоваться, то, где бы он ни находился, он сможет достичь нирваны». Ведь если у человека есть глаза, он отовсюду увидит небо, а нирвана основывается на усердном совершенствовании. Поэтому нашими наставниками должны стать заповеди, мы должны быть усердными, и придет день, когда мы достигнем нирваны.

2. Основываться на трех печатях Дхармы. Если мы взываем пути Будды, то должны почитать его учение и размышлять над тремя печатями Дхармы: «Все сансары непостоянны, все дхармы не имеют Я, нирвана — это умиротворение и спокойствие». Опираясь на три печати, мы должны понять иллюзорность всех дхарм и не испытывать ни привязанности, ни страха по отношению к мирским вещам, устранить все бесчисленные аффекты, не быть приверженными ни к чему, устранить способность и предмет способности. Если мы этого добьемся, то обретем мир нирваны, где все дхармы успокоены, а привязанности отсутствуют.

3. Следовать трем учениям, четырем всеобъемлющим дхармам и шести парамитам. Если мы хотим достичь нирваны, то должны умиротворить свои тело и сознание с помощью трех учений — «заповедей созерцания и мудрости»; должны спасать и преобразовывать живые существа с помощью четырех всеобъемлющих дхарм — «сострадания, любезной речи, полезных деяний и сотрудничества». В своей обыденной жизни мы должны усердно исполнять шесть парамит — парамиту дая-

ния, парамиту терпения, парамиту усердия, парамиту исполнения заповедей, парамиту созерцания и парамиту мудрости, контролировать сознание и сохранять его истинность, преобразовать заблуждение в пробуждение, достичь безграничного множества заслуг и добродетелей, неизмеримых сил, совершенной мудрости, принести пользу живым существам через распространение буддийского Учения — это и есть усилия для достижения нирваны согласно учению Махаяны.

Пути к достижению нирваны, рассказы о древних святых, обретших нирвану, не являются праздным пустословием, хотя у вас может возникнуть мысль: «Это все древние совершенномудрые, постигшие Дао, куда нам, мирянам, до них?» Если вы так думаете, то, значит, не поняли основной мысли буддизма — каждый человек может стать Буддой, и нирвану может достичь каждый. И пример древних мудрецов может нам это подтвердить.

1. Обретение нирваны не связано с возрастом. В сутрах сказано, что Субхадра достиг нирваны в сто двадцать лет, а один из учеников Шарипутры, мальчик в возрасте семи лет, уже обрел нирвану. Ключ к обретению нирваны — в зрелости мудрости, а вовсе не в возрасте.

2. Обретение нирваны не зависит от мудрости или глупости. Достижение нирваны зависит от того, сможешь ли ты реализовать свою природу истинной реальности, и вовсе не связано с тем, что в миру обычно понимается под мудростью или глупостью. Поэтому самый большой мудрец и самый большой дурень могут одинаково достичь нирваны. Если вы стремитесь к пути Будды, то должны иметь безграничную веру в себя и твердо исполнять заповеди буддизма — и тогда в один прекрасный день вы обнаружите у себя сияющую драгоценность истинной природы.

3. Обретение нирваны не связано со временем. Например, один из пяти человек, которых Будда спас первыми после обретения пробуждения, обрел нирвану через несколько дней, а другой, человек слабых способностей, усердно совершенствовался на Пути в течение двадцати дней и также достиг нирваны. Один из учеников Будды обрел нирвану, когда брил Будде волосы, а почтенный Ананда все откладывал обретение нирваны в течение нескольких десятков лет, и только после нирваны Будды он тоже сбросил тяжкое бремя проповеди учения и обрел нирвану.

Таким образом, обретение нирваны не связано с возрастом, мудростью, временем, пространством и другими внешними факторами, а зависит от того, насколько тверда вера, насколько очищено сознание и насколько усердно совершенствование. В «Аватамсака-сутре» сказано: «Умные учатся пробуждению, глупцы учатся жизни и смерти; такое ущербное знание происходит от недостаточной учебы». Отсюда видно, что успех дости-

жения нирваны зависит от собственного усердия, а не от внешних условий.

Поскольку обретшие нирвану люди испытывают небывалую свободу, подъем и радость, в их речах проявляется аромат мудрости, через который непробужденные могут ощутить частицу блаженства нирваны. Когда Шарипутра впервые обрел пробуждение и шел по дороге в приподнятом и счастливом состоянии, его предостерегающе и в то же время восхищенно окликнул Мaudгальяна: «Эй, Шарипутра! Ты уже обрел сладкую росу бессмертия? Вышел ли ты на великий Путь преодоления смерти? Ты выглядишь, как будто уже познал Путь, сияешь, как распутившийся лотос. Ты выглядишь счастливым и прекрасным, как солнце и ветер вместе». Шарипутра, улыбнувшись, ответил: «Верно, я уже обрел сладкую росу бессмертия и вышел на Путь преодоления смерти!»

Вернувшись домой, Шарипутра обрел нирвану, а его маленький ученик пришел с его мощами к Будде и заплакал. Будда сказал ему: «Твой учитель достиг нирваны, но скажи, разве его добродетели и мудрость ушли с ним?» Ученик, плача, ответил: «Нет». — «Так раз все смертное и подверженное страданию ушло, а все чистое и прекрасное осталось, что же ты плачешь?» И правда — физическое тело учителя исчезло, а его добродетели навечно остались среди людей, радость наполнила Вселенную, так что же плакать. Ученик понял это и перестал плакать.

Поэтому наша мирская, телесная жизнь вовсе не важна, самое главное — это исполнение обетов и созерцание и возделывание благих корней пробуждения. Наша физическая жизнь конечна, но просветленный дух пребудет вечно среди людей, наполняя их сознание и указывая живым существам путь из мрака заблуждений и неведения. История монахини Упасены также может служить примером неуничтожимости нирваны и вечности мудрости. Однажды она предавалась созерцанию в пещере и ее укусила ядовитая змея. Ученики очень взволновались и хотели сразу вести ее к врачу. Но монахиня спокойно сказала: «Не надо, яд уже распространился по всему телу!» Ученики расплакались, а монахиня спокойно послала человека за Шарипутрой, чтобы сообщить ему последнюю волю. Шарипутра пришел и увидел ее спокойной и улыбающейся и вовсе не испуганной приближающейся смертью и очень удивился. «Тебя же змея укусила, ты же умрешь сейчас, чему так радуешься?» — «Почтенный, — ответила монахиня, — я последнее время практиковалась в „созерцании пустоты“ и нахожусь в нирване не-пробывания. Змея ужалила только мое физическое тело, как она могла укусить мое сознание, обретшее успокоение в нирване?»

На примерах Упасены и Шарипутры мы видим, что те, кто обрел нирвану, не только освобождаются от рождения и смерти, но их мудрость, счастье и добродетель навечно остаются среди людей.

IV. Каким представится мир после обретения нирваны?

В одной из сутр сказано: «Лучшая польза — в неприверженности, лучшее счастье — в мудрости, лучший родственник — благой друг, лучшая радость — нирвана». Согласно буддизму высшим блаженством является обретение нирваны. Однако многие люди этого не понимают и полагают, что блаженство нирваны состоит в отвержении преходящих радостей жизни. Это большая ошибка. Так, царь Милинда однажды попытался озадачить монаха Нагасену: «Взыскующий Пути ради блаженства нирваны отвергает чувственные радости, подвергает душу и тело страданиям, так разве обретение нирваны — это не радость от смены одного страдания на другое?» Нагасена разъяснил ему: «Вы, царь, говорите, что нирвана — страдание, но это страдание — не в природе нирваны, это лишь ступень на пути ее достижения. Ведь если некто учится рисовать, он подвергается страданию от длительных упражнений, но в конце получает наслаждение. Страдание и радость — это разные вещи, их нельзя смешивать.»

Таким образом, идеалом нирваны является полное уничтожение всех страданий, мир, где отсутствуют страсти и желания, где устранены все аффекты и привязанности, мир, который является землей совершенного блаженства для живых существ. Это мир абсолютной неприверженности и отсутствия препятствия. Поэтому мы можем сказать, что после обретения нирваны мир станет:

миром отсутствия рождения — в нирване уже не будет рождения и смерти, не будет перемен; это мир без рождения и смерти, в нем никогда не смогут возникнуть загрязняющие аффекты, но не возникнет и приверженности к представлению о нирване, исчезнут понятия чистого и грязного, устранятся субъект и объект, это будет мир абсолютного не-возникновения.

Один шофер вел тяжело нагруженную машину, но по его невнимательности машина въехала в придорожную канаву; оказавшиеся рядом двое прохожих помогли водителю вытащить ее. Потом один из прохожих спросил: «Ну и чем ты нас отблаговаришь?» — «Мне нечем вас отблагодарить, только сердечная благодарность!» — «Так ты дай нам то, чего у тебя нет». — «Так как же я дам вам то, чего у меня нет?» — водитель был в затруднении. «Всегда есть то, чего нет, но что можно дать», — продолжал настаивать прохожий. Тут второй прохожий, который до этого молчал, произнес: «Он сказал „ничего нет“, то есть уже дал нам то, чего нет. Что же тебе еще надо, что-нибудь, чего у него нет?» В мире нирваны будут устранены бессмысленные различия, противопоставления, наличие и отсутствие, рождение и гибель, одна дхарма будет содержать в себе

все дхармы, в одном мгновении мысли будут находиться три тысячи миров, «которых нет»;

миром не-пребывания. Нирвана — это мир без рождения и гибели, но где же он пребывает? Обретя нирвану, ты пребудешь повсюду — в чистом сознании, в природе дхарм, в истинной реальности природы Будды, в бесконечном пространстве. Дхармовое тело постоянно пребудет в неприступном городе нирваны. А где этот город? «Повсюду, где луна и ветер, под сводами бескрайнего Неба и на просторах земли, там, где ивы темны, а цветы яркие, постучи в десять тысяч дверей — и тебе везде откроют», — это и есть описание города нирваны;

миром не-Я. Обретя нирвану, мы устраняем привязанность к Я, достигаем свободы от Я и через не-Я достигаем истинного Я, поэтому Я в нирване только и есть истинное Я. В сутрах записано: один из еретиков пожаловался Будде: «В Мире Величайший! Всем хорошо твое учение, только вот „не-Я“ уж больно страшно, трудно уверовать». Будда ответил ему: «Я тоже учу о „Я“!» «Я» в понимании Будды — это «истинное Я», освобожденное от шелухи привязанностей — это наша истинно-реальная природа Будды. В мире нирваны устранено ложное Я, к которому мы привержены, но сохраняется истинное Я; подобно золоту, очищенному от примесей и обретшему свой истинный блеск, истинное Я излучает свет сострадания, сияние равенности и повсюду освещает живые существа;

совершенным миром — миром нирваны — этой землей вечного блаженства нашего духа. В нем нет недостатка в радостях Учения: там совершенное спокойствие, чудесное блаженство, непрерывающееся счастье. Там обретается полнота мудрости и счастья, наивысшее освобождение, вечное Я — это мир истины... всего не выразить словами... И это высочайшее блаженство доступно каждому, его можно ощутить в любой момент. Один монах предавался в одиночестве созерцанию, к нему подошел один еретик и спросил: «Ты взыскуешь блаженства будущей жизни?» Монах ответил: «Я взыскую блаженства в настоящей жизни».

Нирвана обретается не после смерти, ее блаженство настает тогда, когда изгнаны все аффекты и привязанности.

Вы долго слушали мою беседу о нирване и, наверное, задумались? Я надеюсь, что вы будете усердны в обретении пути. Не нужно считать нирвану блаженством будущей жизни — стремитесь к ней сегодня. Надеюсь, что все вы обретете истинные постоянство, блаженство, Я и чистоту, обретете чудесную истину нирваны всех будд, которая свободна от Я, и жизнь ваша станет полна счастьем и блаженством!

Желаю всем радости учения, безграничного счастья и мудрости!

ПРИМЕЧАНИЯ

Чжан Цзю-чэн — один из представителей неоконфуцианской философии в Китае эпохи Сун (X—XIII вв.).

Брахмачарин — букв. «стремящийся к брахману» — название стадии ученичества.

Восемь школ — Тяньтай, Хуаянь, Цзинту и «пять домов чань» — Гуйян, Юньмэнь, Цаодун, Линьцзи и Фаянь.

Линь-цзи И-сюань — великий наставник чань IX в., ученик Наньюэ Хуай-жана, основатель направления Линь-цзи.

Хуан-бо Си-юнь (VIII—IX вв.) — основатель направления Хуан-бо (яп. *обаку*), видный наставник чань.

Юньмэнь Вэнь-янь (864—929) — основатель направления Юнь-мэнь.

Ма-цзу Дао-и (709—788) — основатель Хунчжоуской школы, зачинатель классического чань.

Байцжан Хуай-хай (720—814) ученик Ма-цзу Дао-и.

Фу да-ши (Великий муж Фу) — известный деятель китайского буддизма IV в.

Тянь-жань из Данься (739—824) — последователь Шитоу Си-цяня, известный чаньский монах.

Чжаочжоу Цзун-шэнь (778—897) — виднейший чаньский наставник, ученик Наньцюаня Бу-юаня.

Ши Дао-ань — выдающийся деятель буддизма эпохи Северных и Южных династий (годы жизни 312—385 гг.).

Шунь-чжи — император маньчжурской дин. Цин, фактический основатель маньчжурского государства (правил в 1644—1662 гг.).

Шунь-цзун — император дин. Тан (правил в 805—806 гг.).

Дхармовое тело — тело Абсолютной Реальности, выражение абсолюта, одно из трех тел Будды и одновременно обозначение истинно-реального универсума.

Татхагата — Будда. Это санскритское слово может быть переведено двояко: «Так Приходящий» и «Так Уходящий».

На этом мы ограничились пояснением наиболее существенных для понимания текста имен и понятий.

Содержание

Жизнь после пробуждения	3
Жизнь после смерти	23
Каким представится мир после обретения нирваны .	41

БУДДИЗМ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Три проповеди Великого наставника Син-юня

Литературный редактор *Н. П. Дралова*

Технический редактор *М. Г. Столярова*

Корректоры *Н. В. Викторова, С. П. Доникина, И. М. Пьянкова*

Выпускающий *О. Я. Карманова*

Лицензия ЛР № 060180 от 09.09.91.

Сдано в набор 13.04.94. Подписано в печать 14.06.94. Формат 60×90^{1/16}.
Печать высокая. Гарнитура «Литературная». Усл. печ. л. 4,0. Тираж 5000 экз.
Заказ 53.

Издательство «Андреев и сыновья»

196143, Санкт-Петербург, а/я 176, ул. Орджоникидзе, д. 5

Ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» типография № 8 Мининформпечати РФ

190000, Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 6